

Юрий Манов

Павел Панкин

Сергей Панарин

Хан Касимов

Касимовъ

ХАН КАСИМОВ.

**История татарского
царства**

Юрий Манов

**Ханкерман. История
татарского царства**

«Автор»

2022

Манов Ю.

Ханкерман. История татарского царства / Ю. Манов — «Автор», 2022

Перед вами — художественно-историческое исследование, посвященное Касимовскому царству. Расположенное между Муромом и Рязанью татарское государство было основано в 1452 году и просуществовало до 1681 года. В отличие от широко известных ханств (Казанского, Астраханского и др.) Касимовское всегда было союзным Москве. Мы вместе пройдем весь его путь, проследим, как оно развивалось с остальной Россией на протяжении бурных XV-XVII веков, и увидим, какой неоценимый вклад в победы страны внесли союзные татары — гвардия русских правителей. Исследование переплетается с художественной линией — рассказом о вымышленном татарском воинском роде. Сражения, строительство и разрушения Касимова, превратности политики перейдут в художественное измерение, где обретут большую ясность. Авторская группа (Ю. Манов, С. Панарин и П. Панкин) приглашает вас в увлекательное путешествие. Добро пожаловать в Ханкерман — «ханскую крепость» или «ханский городок». Именно так назывался когда-то современный Касимов.

© Манов Ю., 2022

© Автор, 2022

Содержание

Пролог	8
Глава 1. На пути к царству	14
Городец Мещерский	15
Кара божья	18
Городецкие ширины	20
Большой Мухаммед	21
Завешание Дмитрия Донского	22
Белевский провал	24
Первый хан казанский?	25
Суздальская битва	26
Темный князь	28
Пограничная стража	30
Сказ 1. Касим идет!	32
Глава 2. Касим – первый салтан	39
На окских берегах	42
По следам Касима	43
Новое место – новая жизнь	46
Новое государство	47
Степняки в Мещере	49
Сказ 2. За новой жизнью	51
Двое в степи	52
1455 год. Наем на службу	55
1455 год. Хороший юрт	56
1455 год. Базар	58
1456 год. Речные разбойники	62
Глава 3. Союзные татары	65
Предтечи татар	66
От войска монгольского к татарскому войску	69
От наемников до союзников	70
Окская граница	71
Гвардия великого князя	72
Доля казачья	73
Старый посад	75
Первая казанская попытка	76
Сказ 3. Удача казака	79
Хан Касим?	80
1467 год. Поход на Казань	82
1467 год. Капризная удача Ибрагима	83
Глава 4. И стал град Касимов	87
Жизнь при Даньяре	89
Первый новгородский 1471 года	91
Битва на Шелони	93
Коломенский рубеж	94
Врачебная ошибка?	95
Сказ 4. Трофей Одноглазого	98
Новгородский поход	99

1471 год. Шелонь	101
Конец ознакомительного фрагмента.	104

Юрий Манов, Павел Панкин, Сергей Панарин Ханкерман. История татарского царства

Старость – не радость даже для ворона.

Хасан понимал, что уже очень стар, что его время прошло. Однажды холодной ночью разразилась гроза с громом, заставившим воронов взлететь. И молния ударила в старую, самую высокую сосну, на которой в последние годы жил Хасан. Древнее дерево загорелось, а к утру рухнуло.

Хасан не удивился. Уж он-то знал, что ничто не вечно. Сделал прощальный круг над городом и переселился на любимый дуб, что стоял на Старом татарском кладбище. Здесь и сокровища под боком, а скорее всего, ворон просто понимал, что теперь его место рядом с мертвыми.

Занял чье-то старое гнездо и много спал, видя яркие сны о былых днях. Проснувшись, слетал на землю и медленно ходил меж могильных камней и каменных плит, украшенных арабской вязью и сурами из Корана, узнавал знакомые имена. Здесь и его любимые Беркузле... Славные были воины, великие воины! Мало кому из них довелось умереть в своей постели от старости: гибли в лихих боях, умирали от ран и болезней в дальних походах и были привезены сюда родней для вечного покоя...

Пролог

Год 1449 от Р. Х. или 853 год от Хиджры

*Летоисчисление в исламе ведется от Хиджры (16 июля 622 года н. э.) – даты переселения пророка Мухаммеда и общины первых мусульман из Мекки в Медину.

Неспешно течет Пахра-река, многое она повидала, многое суждено ей увидеть в будущем. Последний летний месяц в самой поре. Сухо, который день щедрое солнце греет землю, но сегодня по небу побежали низкие темные облака. Ветер, хоть и теплый, то и дело хлещет порывами по траве и деревьям, гонит облака, словно пастух, опаздывающий домой на ночевку... Постепенно вечереет, отчего облака становятся все темнее и темнее.

Шумен и весел татарский стан на Пахре-реке. Много воинов. Их привели из степи мурзы хана Седи-Ахмата. Недавно Седи-Ахмат прогнал из Сарая старого хана Улу-Мухаммеда и сам сел в столице Орды. До самой Москвы дошли нукеры нового хана, но город брать не стали. Не время еще. Стены там каменные, а на стенах пушки, изрыгающие огонь. Вот придет сам хан со всей ордой и камнебитными машинами, тогда уж поучит русского князя.

А пока рассыпались татары малыми отрядами по округе в поисках добычи и собираются со всех сторон к берегу Пахры. Не так много добычи – совсем обеднела Русь, одна радость – большой полон.

Прячутся урусы по лесам и рощам от татар, да разве от таких спрячешься? Давно научились степняки их по лесам отлавливать. Вяжут крепкими веревками. Старых и малых не берут – не дойти им через дикую степь в Сарай-Берке. В столице Орды ждут молодых, крепких парней для работы в полях, ждут умелых мастеровых и ремесленников, с нетерпением ждут светлоглазых рабынь для гаремов мурз и беков Большой орды.

А кроме полона и взять нечего. Хитрые урусы при набеге прячут свое добро, закапывают глубоко в землю. Если и осталось где серебро, то в церквях да за монастырскими стенами. Не трогают их татары, смотрят с досадой на монастырские стены. Жаль, очень жаль, что Батухан со стародавних времен не велел трогать русские храмы и монастыри, выдал им охранную басму. И попов русских обижать запретил. Один такой в черной рясе с медным крестом на груди сам за полоном увязался, ходит меж пленных, бормочет: «Христос с нами, братия и сестры, Христос нас не оставит. Он еще более терпел, смерть мученическую за нас на кресте принимая. Терпите и вы, веру свою берегите...» Впрочем, пусть бродит, пусть бормочет, от его слов полон становится смиреннее, бабы голосить перестают, мужики не так скрипят зубами в злобе.

И вот особая добыча – радостным гомоном встречает ее татарский лагерь – пленили русскую княгиню, жену князя Василия Оболенского. Родовит князь, большой выкуп заплатит за жену. Испуганно смотрит княгиня на радостно визжащих татар, только гордость княжеская не дает расплакаться.

Пируют татары, едят мясо, некоторые не крепкие в вере пьют пенный мед, захваченный у русских. Тут же жарятся на кострах целые туши говяды, что еще недавно паслась в округе.

Медленно едет по гудящему пирующему лагерю молодой казак Ибрагим за старшим братом Мустафой. Оба низкорослые, худые, жилистые, и лошадки им под стать – маленькие, невзрачные, но видно, что выносливые. Братья Ибрагим и Мустафа очень похожи: скуластые, с тонкими усиками над верхней губой, горбоносые. Единственно, морщины выдают в Мустафе старшего.

Молодой Ибрагим вернулся из разъезда усталый и злой: разведка завтрашнего пути ничего тревожного не выявила, зато с братом поругались. И из-за чего? Из-за пустяка – имени Ибрагимова первенца. Мустафа-то своего первенца назвал в честь отца, как и положено, а от

младшего брата ждал, что тот назовет старшего мальчика Мустафой. А Ибрагим назвал сына в честь деда... Затаил обиду Мустафа, а вот сегодня проговорился.

Ибрагим сначала искренне попросил прощения, он и не догадывался, что у брата такая блажь была, но Мустафа почему-то не успокоился и всю дорогу попрекал Ибрагима. Так и заехали в лагерь – оба злые и друг на друга не смотрят. Ибрагим вовсе отстал, чтобы не продолжать препирательства. Сейчас бы поесть, вон какие соблазнительные запахи по округе растекаются, а не хочется.

Внезапно налетел порыв ветра и хлестанул по лицу Ибрагима, отвлекая от мыслей о еде.

Молодой казак поглядел вдаль. А там то ли пыль, то ли туман до самых темных облаков... Медленно топают лошади, скоро братья доедут до своего десятка, можно будет дать лошадям питья и корма, отдохнуть самим.

Тут облака расступились и в глаза казака впились лучи вечернего солнца. Ибрагим отвернулся, проморгался и уставился в другую сторону, на главный шатер.

У главного шатра на высоком холме собрались Седи-Ахматовы мурзы, смеются, добычей хвалятся. Велели привести плененную княгиню, смотрят на нее, языками цокают. Красива княгиня, не той красотой, за которую ценят своих жен татары, но своей, русской... Статна, лицом прекрасна, длинные русые волосы заплетены в тугую косу. Смотрит с ненавистью, хоть и видно, что боится, – сильна духом! Хорошая женщина, спору нет. Дорого стоит!

Забыли мурзы воинский закон, установленный еще великим Бату-ханом. Первое дело в походе – охрана и дозор. А зачем дозор, зачем охрана, кого им тут бояться? Урусы давно по своим крепостям попрятались, бояться высунуть носы за стены. Пока великий князь разошлет гонцов к боярам да соберет свою дружину, орда с полоном уже далеко в степь уйдет. А в степь русские и подавно не сунутся, опасаются...

Правы татары, не скоро еще соберутся русские дружины для отпора, а больше опасности и ждать неоткуда. Так ли?

Никто не поднял тревоги, да и внимания не обратил, когда на прибрежных холмах Пахры показались всадники. Чего тревожиться, по виду ясно, что свои, татары. Шапки лохматые, на иных белые колпаки, в руках пики с бунчуками. Только многовато их что-то. Сотня? Больше? И полна с ними нет. Что за отряд? Кто предводитель? И почему над ними золотое знамя? Золотое знамя положено только чингизидам...

И лишь когда рассыпался строй пришельцев широкой лавой, когда понеслись всадники с копьями и пиками наперевес, забеспокоились в стане. Смотрят татары на своих мурз в нерешительности, ждут приказов.

Мало кто был готов к схватке. Лошади отдыхают, воины расслабились. Редкие казаки вроде Ибрагима и Мустафы оказались верхом и при оружии. Переглянулись хмурые братья, потянули сабли из ножен. Молча развернули лошадей к врагу. Стали съезжаться поближе: ссора ссорой, а друг за друга они горой.

Ни на миг не задумались Мустафа и Ибрагим о побеге. Никогда мужчины их рода не были трусами!

Напоследок обернулся Ибрагим на ханский шатер, и навсегда врезались ему в память растерянные лица мурз и холодная улыбка русской княгини.

Страшен был удар татарской лавы по стану, мигом забыли пирующие про мед и мясо. К лошадям бросились, за сабли схватились. Да поздно, не сдержать напора этой лавы, теперь только голову в страшной рубке сложить или бежать, если хочешь жить.

В первые же мгновения сшибки увидел молодой казак Ибрагим, как в грудь брата его Мустафы вонзилась вражья пика и вышла из спины. Сокрушительной силы удар. Вылетел из седла Мустафа. Ибрагим чуть сзади был, он успел рубануть саблей убийцу брата, и тот тоже стал заваливаться наземь.

И тут осознал младший брат: не будь Мустафа впереди, первый удар пики пришелся бы по нему, по Ибрагиму!

Хотел Ибрагим остановиться, спешиться, к Мустафе пробраться, но захлестнула его вражья лава, а в следующий миг откуда-то сверху прилетела стрела и впиалась Ибрагим в лицо. Завертелась под ним лошадь, но усидел в седле раненый казак, а когда опомнился, выяснилось, что скачет его лошадка вместе с атакующими врагами по стану его же, Ибрагима, лагеря. Казак придержал лошадь и стал постепенно забирать в сторону, пристроился за одним из отрядов. Лицо кровью залито, один глаз не видит, зато в пылу боя никто не распознал в нем чужака.

Рубят татары татар саблями, колют пиками и копьями, стреляют из луков в спины бегущим. Избиение!

...Стемнело уже, но хорошо видно в свете большого костра золотое знамя, что вьется над шатром у Пахры-реки. Уже не смеются мурзы Седи-Ахматовы, уже не похваляются подвигами и добычей. Стоят на коленях, со страхом смотрят на всадника в богатых доспехах, на арабском скакуне, в собольей шапке. Царевич Касим – сын хана Улу-Мухаммеда, злейшего врага хана Седи-Ахмата.

Молча ожидают знатные пленники своей участи, лишь один из них не унимается, Сулейман-бей из рода Кыпчак. Ругается и визжит, так, что с губ летит кровавая пена. Два улана с трудом удерживают его связанного. Самого Касима ругает, карачей его ругает, особенно Уссейна Хосю и зятя его Хасана, что тоже из кыпчаков. Грозится он гневом Аллаха и великого хана Седи-Ахмата с его непобедимой ордой.

– Псы вы, а не кыпчаки! Изменили своему роду и теперь урусам служите! Обьедки с их стола подбираете! И ты, Касим, пес шелудивый!

Назвать собакой потомка великого Чингисхана?! Прищурился Касим, кивнул дядьке своему Уссейну, а тот зятю своему Хасану, тронул мурза коня легонько, саблю на ходу вынимая, свистнула заточенная сталь, и покатиалась бритая башка Сулейман-бея по жухлой траве.

Остальных пленных казнить не стали, будут дожидаться выкупа родней в граде Звенигороде. А пленников Седи-Ахматова беспечного войска Касим велит освободить.

Режут татары веревки на руках полонянок, а те в слезах им на шею бросаются, обнимать да целовать. Улыбаются татары Касима растерянно, переглядываются, перемигиваются. Не бывало такого еще на Руси, чтобы русские девки по своей воле татар целовали...

А из-за реки Пахры тем временем подходят последние отряды войска Касима, что преследовали и добивали врага. Великая победа юного царевича!

Страшно в лесу ночью. Не любят татары ночного леса, здесь водятся страшные чудища. Да и в засаду попасть можно. Одинокого татарина русские запросто на рогатины поднимут без всякой жалости. То ли дело – вольная степь.

Медленно, с опаской едет лесной тропой молодой казак Ибрагим, зажимает тряпицей рану на лице. Ударил его острая татарская стрела на излете в бровь, да и глазу не поздоровилось, как только сам жив остался? Видимо, шапка лохматая, лисья, матерью сшитая, смягчила удар.

Едет казак, смотрит уцелевшим глазом в звездное небо. Спасибо отцу, научил находить дорогу домой по звездам. Да, отец... как встретит он Ибрагима одного, без брата? Как рассказать ему, что Мустафу пикой насквозь в самом начале резни проткнули? Так и свалился с мешком, в котором добыча была. Спросит отец: почему не остановился Ибрагим, почему не помог брату, не забрал его тело для достойных похорон? Не потому ли что сам жить хотел, о детях, о жене молодой вспомнил? Да, и жить хотел, и семью вспомнил, но не в бою, а позже, когда неизвестно как в гуще вражьего войска скакал, кровью умываясь. И что ему было делать?..

Но еще жалеет Ибрагим об обидных словах, которые они с братом друг другу говорили, возвращаясь из дозора. Получается, последнее, что сказал он Мустафе, было укором.

«Прости, брат! Будет у меня сын – назову в твою честь», – шепчет раненый казак.

А добыча... Ибрагим залез рукой в седельный мешок, нащупал бок серебряного кувшина, что нашел в обозе русской княгини, потом вытащил согнутые серебряные пластины, которые когда-то были окладом к большой русской иконе. Вот и вся добыча.

Плохой поход, скверный, брата потерял, лучше бы дома остались. Но жадность одолела, захотелось легкой добычи...

И кто знал, что татары татар за русских резать станут?

Возможно, в таком же стиле и продолжилось бы повествование, если бы мы задумали написать о Касимове просто исторический роман. Но поставив иную цель – выяснить историческую роль Касимовского царства в истории Руси, – мы предлагаем вам не столько роман, сколько историческое исследование.

Сразу должны предупредить: провести это исследование оказалось нелегко. Хроники Касимовского царства не сохранились либо не велись вовсе. Историки буквально по крупицам восстанавливали события тех времен на основе иных древних письменных документов – русских летописей, ордынских ярлыков, арабских и персидских источников, европейских хроник, личных архивов касимовских татар. Свой вклад внесли и археологи. Все они люди, им свойственно ошибаться, поэтому на страницах этой книги будут отражены разные версии одних и тех же событий, причем, порой – полярные.

Свое исследование мы проиллюстрируем своеобразными сказами, то есть художественными вставками, поясняющими войны, быт и перипетии, в которых побывали Касимов и вся Русь за время существования Касимовского царства. Таким образом, параллельно с реальными историческими событиями перед вами развернется судьба одного вымышленного касимовского рода, начавшегося с того самого казака Ибрагима, что так неудачно потерял глаз на Пахре-реке.

Если вам интересна только историческая часть нашего повествования, то художественную можно просто пролистать. В конце концов, сказка – ложь... Но в ней намек!

А пока приступим к историческому исследованию.

История становления современной России столь же богата, сколь богат национальный состав Российской Федерации. Удивительное разнообразие народов и климатических условий, в которых они развивались и взаимодействовали, не могло не сыграть свою роль в формировании столь сложной и многоукладной страны, как наша. Мы изучаем историю нашего государства, справедливо связывая ее главным образом с историей государствообразующего народа, и следим, как от Киевской Руси развилась Русь, связанная с Московским, Новгородским, Владимиро-Суздальским и Рязанским княжествами, как через раздробленность проросло единое государство Российское, как дело, начатое Рюриковичами, продолжили Романовы...

Если говорить о времени, которому посвящена эта книга, то нас с вами ждет исследование непростого периода. Это буквально два века. По историческим меркам, кратчайший отрезок! Но за него наше государство прошло через объединение русских земель, связанное с поздними Рюриковичами, затем пережило Смутное Время, сменившееся периодом первых Романовых, когда Россия обрела почти все основные очертания той страны, в которой мы живем и сегодня. Непростые времена. В них было мало мира и много войн, но разве не так, потом и кровью, создаются сильнейшие государства?

Наша книга будет о татарах. Историки уделили немало внимания борьбе Руси против Орды Чингисхана и внука его Батгя, а затем противостоянию России и государств-наследников Орды – Казанского царства, Крымского ханства, а также просто дикой степи, в которой к моменту исчезновения Золотой Орды царил беспорядок. В этом привычном изложении татары противопоставлены русскому государству. Например, непокорная Казань, с которой воевали князья Василий Васильевич Темный, Иван Васильевич III и Иван Васильевич IV Грозный...

Но между Казанью и Москвой когда-то располагалось уникальное государственное образование – Касимовское царство. Это татарское государство было образовано в 1452 году и просуществовало до 1681 года. Об этом царстве или ханстве широкому кругу читателей известно чрезвычайно мало, однако нам видится, что история Касимовского царства, тесно сплетенная с историей и Москвы, и Большой Степи, является одной из важных государствообразующих линий в общем сюжете нашей с вами истории. Мы дерзаем утверждать, что без Касимовского царства современный облик России сложился бы совсем иначе – роль меццерского города в противостоянии Руси и Степи велика, именно здесь мы находим пример не противостояния русской и татарской государственности, а их союзничества, и если хотите, симбиоза.

Здесь, на берегу Оки, в пятнадцатом веке возникло царство, где сосуществовали в мире Православие и Ислам. Здесь, пожалуй, впервые стало возможным само это сосуществование. Таков он – Касимов, самый большой из малых городов России, вошедший в историю как пример мудрой, гибкой политики московских князей и союзных Руси татар.

В Касимовском царстве мы можем разглядеть удачный прообраз будущего федеративного государства, где при тесном соседстве разных народов веками не было места национальной вражде и религиозной розни, где столь разные культуры не противостояли, а обогащали друг друга. Конечно, случалось разное, и картина далека от идиллии. Однако в Касимове до сих пор мирно соседствуют православные кресты на куполах и древний минарет с полумесяцем над мечетью. Здесь в равной степени берегут христианские храмы и тщательно охраняют усыпальницы потомков самого Чингисхана.

И все же, как же получилось, что совсем недалеко от сердца России – Москвы более двух веков существовало целое татарское царство? Как оно возникло? Кто они такие, касимовские татары? И какую роль сыграло Касимовское царство в истории Руси?

Вот вопросы, на которые должна ответить эта книга.

Глава 1. На пути к царству

Прежде чем начать рассказ о Касимовском царстве, мы обязаны обрисовать, где будут разворачиваться события, когда и как пришли туда татары, кто жил на этих землях до прихода Касима, и какие процессы и события привели к появлению царства. История этого края достойна целой книги, но сегодня мы совершим стремительное путешествие: начнем в десятом веке и придем в пятнадцатый.

Городец Мещерский

Местность, о которой пойдет речь, расположена между Рязанью и Муромом, на берегу Оки.

Первое летописное упоминание этих мест связано с именем Глеба Владимировича, отправленного отцом в 989 году крестить местные племена. Население города Мурома той поры – мурома. Племя воинственное, с дикими языческими нравами.

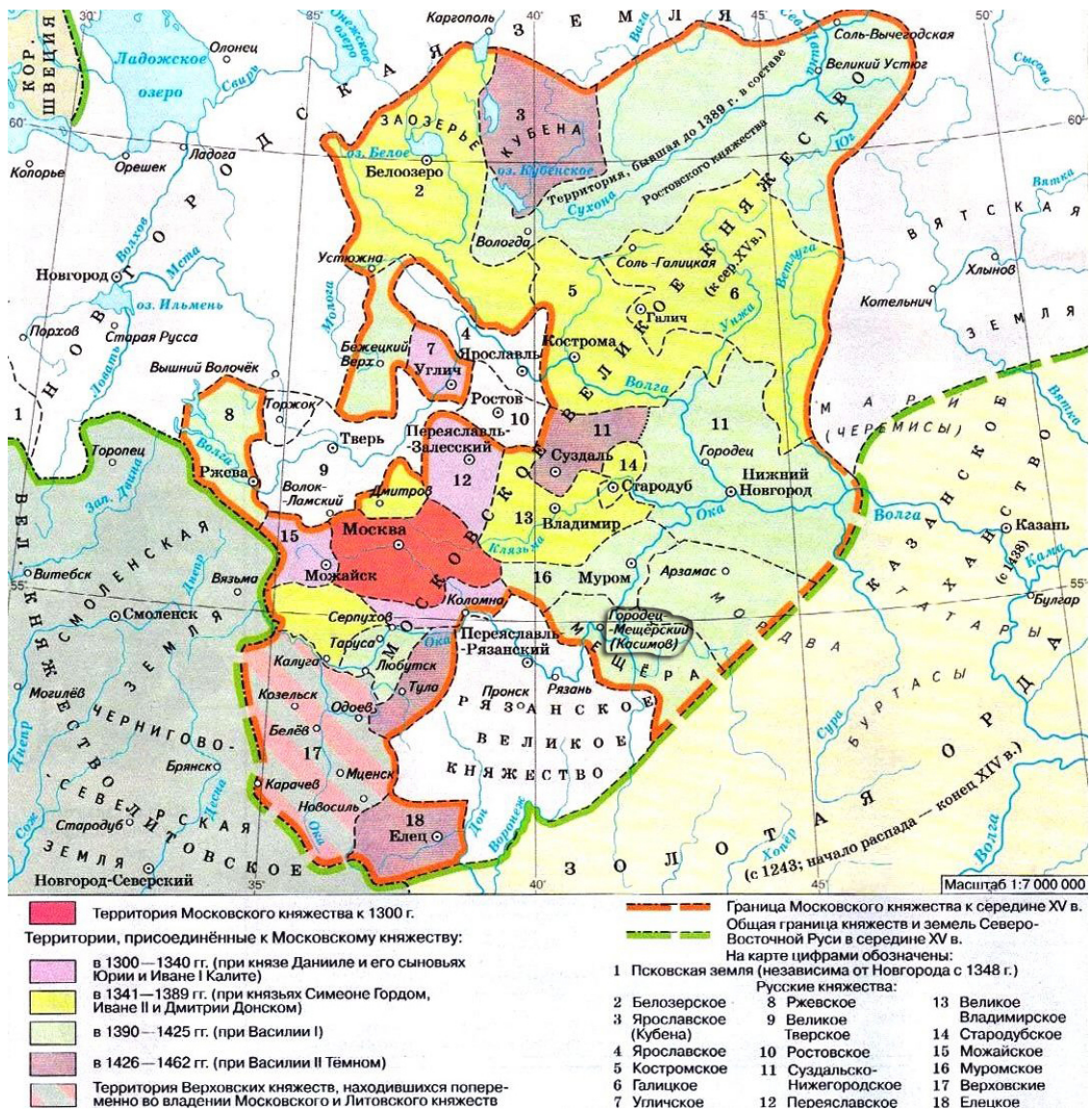
В 1054 году по завещанию киевского князя Ярослава Мудрого его сын Святослав получил «Чернигов и всю страну восточную и до Мурома». Святослав активно колонизировал Поочье, скорее всего, он заложил и древнюю Рязань. На новые земли из Чернигова отправлялись поляне, по дороге к ним присоединялись северцы, радимичи, вятичи. Шли с ним и греческие священники – носители христианской морали и письменности. Видимо, в это время и начался активный приток славян в Мещеру. Ремесленники и торговцы селились в городах и посадах, земледельцы ближе к заливным лугам.

Веком позже суздальский князь Юрий Долгорукий задумал заложить здесь город. История Городца Мещерского началась в 1152 году.

Название «Мещерский» Городец получил «по имени полудикого племени «мещера», проживавшего в этих краях. Что за «мещера»? В «Русском историческом сборнике» 1837 года читаем: *«Мещерою действительно рязанцы называют левую сторону Оки, где... боровой чернозем, перемешанный с песком, именуется также мещерою. И потому нельзя утверждать о жилищах тут иноплеменной мещеры, т. е. мокшан, сродственников мордвы. Название мещера есть собственно славянское...»*

Значит мещера – не название отдельного племени, как мокша или мурома, а скорее общее обозначение аборигенов по месту проживания. Однако в некоторых древних документах мещерой названо отдельное племя. В любом случае, коренное население Поочья – финно-угорские племена. Но только ли они?

Скорее всего, к 1152 году население Мещерского края по берегам Оки было уже смешанным, мордово-славянским. Мордва занималась охотой и рыбалкой, кочевым скотоводством, бортничеством, славяне – земледелием и оседлым скотоводством. Городец Мещерский, то есть защищенная рвом и валом деревянная крепость, был основан на месте древнего городища с уже сложившейся системой обеспечения. Большую долю его населения составили пришедшие за князем Юрием кривичи, часть его дружинников стала первым гарнизоном новой крепости. Древний город был окружен «осыпью» – земляными укреплениями, которые упомянуты в «Писцовых книгах» 1627 года.

Здесь необходимо ответить на вопрос, где конкретно располагался древний Городец. В начале XIX века местный исследователь Иван Сергеевич Гагин осмотрел на берегу Оки и описал древние валы, оценив их общий периметр примерно в полтора километра. Однако здесь раскопки не обнаружили следов домонгольской крепости, более того, в некоторых исторических документах указывается, что на этом месте веками был дремучий лес. Тогда что это была за «осыпь» и где искать Городец?

Археологические успехи вывели исследователей на новое место – Земляной струг.

Первым Земляной Струг описал все тот же И. С. Гагин. Предположив, что построенный Долгоруким Городец был окружен пятью вспомогательными крепостями, он принял Струг за одну из них. В ходе раскопок вместо остатков крепостных стен здесь неожиданно обнаружили следы древнего языческого капища. Место было обжито давно, и холмы, как слоеные пироги, в которых каждый слой содержит следы пребывания разных народов от поселения городецкой культуры (ранее II века н. э.) до более поздних поселений.

Общий вывод: изначальное месторасположение Городца – не берег Оки, а Земляной Струг – несколько холмов, образованных поймой речки Бабенки, впадающей в Оку. Город на притоке? Да. К примеру, Переяславль-Рязанский (современная Рязань) тоже был основан не на Оке, а на ее притоке Трубеже.

Сегодня Земляной струг – высокие заросшие лесом холмы на берегу почти пересохшего ручья. Находки говорят однозначно: здесь был крупный промышленный центр средневековья, здесь обрабатывали железо, здесь плавил медь и бронзу.

Итак, 1152 год, Городец Мещерский – небольшая варяжская крепость с воротами и частоколом, укрепленная валом и рвом. Русские князья традиционно строят такие крепости, предназначенные разместить кроме гарнизона местное население из посадов и окрестных деревень, которое в случае опасности укроется за стенами крепости и будет защищать ее от степняков.

Веками Ока была пограничьем меж дикой степью с половецкими ордами и северо-восточной Русью со столицей во Владимире. Но времена единой Руси уже прошли, и крепости строились уже больше для защиты от таких же русских князей. Мы знаем это время как период феодальной раздробленности, где «всякий князь имеет свой удел». Князья редко ограничивались своими уделами, норовя отвоевать землю у соседа.

Почему Юрий Долгорукий заложил крепость именно здесь? Исходя из неприступности места. Главное – безопасность и доступность воды на случай долгой осады.

Князь Долгорукий выбрал это место вовсе не случайно и в политическом аспекте: он умышленно вклинился между Рязанским и Муромским княжествами. В 1152 году Муромо-Рязанское княжество еще считалось единым, и на княжьих столах сидели кровные родственники, ведущие род от Ярослава Святославича, внука Ярослава Мудрого. Через пять лет княжество окончательно разделилось. Но рязанцы с муромцами еще долго действовали сообща, отправлялись в совместные походы. Чаще всего, вниз по Оке, в богатую Волжскую Булгарию.

Теперь о логистике. От Рязани до Мурома слишком большое расстояние. На протяжении веков прямая «езжая дорога» между этими древними городами отсутствовала, добраться можно было только по реке: летом на ладьях, зимой по льду Оки. Путь долгий, а потому где-то посередине был необходим населенный пункт для остановки на ночлег и отдых.

Ока в те времена – весьма оживленная торговая артерия, ведущая в Персию, в сказочные арабские страны, где в обилии соль, пряности, драгоценные камни и великолепные ткани, тонкой работы кольчуги и дамасские клинки. И серебро! Очень много серебра в звонкой монете!

В обмен Русь посылала меха, мед, воск, невольников. Добавим, что по Оке можно добраться не только на юг, но и на север. Через Москву-реку и Волок-Ламский – в верховья Волги, к Новгороду и северным морям. А во время разлива, когда притоки Оки, Дона и Днепра сливались в огромное озеро, можно было доплыть до Киева, а там недалеко и до Царьграда.

Городец экономически процветал, иначе не попал бы в летописные списки русских городов наряду с крупнейшими столицами княжеств. Находясь на оживленном торговом пути, на окской переправе под защитой муромских и владимирских князей, город быстро рос и богател, обрастал посадами. Процветали торговля и ремесла, здесь смешивались люди разных племен и языков, в монастырских стенах велись летописи. Из летописей узнаем мы о событиях, скорбных для нашей истории.

Кара божья

О монголо-татарском нашествии 1237-1240 годов русские летописи говорят однозначно: большей беды на Руси не было. Показательный пример – «Повесть о разорении Рязани Батыем». Первый город, вставший на пути Орды, был уничтожен со всеми его жителями. А какова причина военной неудачи русских? Безусловно, войско хана Батыем было великолепно организовано и отменно воевало, но и Русь была ослаблена междоусобными войнами и княжескими распрями.

Подробности страшного нашествия описаны в русских летописях, но сошлемся на строки персидского летописца Рашид-ад-Дина из его книги «Джами Ат-таварих»:

«Осенью упомянутого года (1237) все находившиеся там царевици сообща устроили курилтай и, по общему соглашению, пошли войною на русских. Бату, Орда, Гуюк-хан, Менгучаан, Кулкан, Кадан и Бури вместе осадили город Арпан (Рязань) и в три дня взяли. После того они овладели также городом Ике (город на Оке – Коломна). Кулкану (младший сын Чингисхана) была нанесена там рана, и он умер. Один из русских эмиров, по имени Урман (Роман), выступил с ратью, но его разбили и умертвили, (потом) сообща в пять дней взяли также город Макар (Москва) и убили князя города, по имени Улайтимур (Владимир)...»

Кратко, емко, без эмоций. Есть упоминания о том походе и в европейских источниках. К примеру, венгерский монах Юлиан указал, что «монгольские рати разделились на три части: одна двинулась на Суздаль, вторая на Рязань и третья на замок Воронеж на Дону».

Русские летописи намного эмоциональней описывали монгольское нашествие: коварство и жестокость захватчиков, храбрость русских витязей, бедствия народа...

Общий итог известен. Война была проиграна, финалом ее стал позорный разгром великокняжеского войска на реке Сить, когда монголы окружали отступающие к Новгороду отборные русские полки и били их по частям, как на загонной охоте.

В актив русским можно занести героическую оборону Рязани, битву под Коломной да партизанский рейд по монгольским тылам рязанского воеводы Евпатия Коловрата. И еще оборону «злого города» Козельска. А общий результат страшен: домонгольская «Золотая Русь, страна тысячи городов» превратилась в пустынь с дымиющимися пожарищами.

После разорения северо-восточной Руси орда Батыем огненной волной прокатилась по степям, окончательно разбив и выдавив половцев «за Угорщину», обрушились на Южную Русь, где князья продолжали воевать меж собой. Взяв Киев и Чернигов, монголы предали древние города огню и вторглись в Польшу и Венгрию, где легко преодолевали сопротивление королей, громили рыцарские ордена. Дошли монголы и до Святой земли – вышли к Средиземному морю! И лишь внутренние распри не позволили внукам великого Чингисхана выполнить его завет – «дойти до последнего моря», то есть до Атлантического океана.

В чем причина такого успеха «диких степняков», создавших невиданную по размерам империю от Тихого океана до Средиземного моря?

Во-первых, монголы были великолепными воинами, которых с детства учили ратному делу, в том числе, прививали бесстрашие.

Во-вторых, они были отлично экипированы и организованы. Об устройстве монгольского войска и тыла, о жесткой дисциплине и тактическом превосходстве над армиями современников мы поговорим несколько позже, когда речь пойдет о войске татарском.

В-четвертых, монгольская «военная машина» была оснащена не только китайскими достижениями в области организации войска, но и рядом революционных на тот момент орудий и приспособлений для осады крепостей.

Пятая причина заключается уже не в монголах. Русь, разделенная на десятки княжеств, оказалась не готова к большой войне. Хотя русские ходили и на половцев, и на литву, и на

булгар, князья чаще воевали меж собой. Мерились дружинами, могучими богатырями. Выходя биться в чисто поле, князья не думали о тактике, сшибались «рать на рать», глядя с пригорка, чья дружина одолеет. Для дружинников же главное – показать себя в бою молодцами да удалцами. В случае военной неудачи русские князья бежали с ратного поля, надеясь отсидеться за городскими стенами. И успешно отсиживались. Русские практически не умели штурмовать крепости, не имели осадных орудий, брали города «измором», вынуждая врага сдаваться долгими осадами. Чаще всего все заканчивалось переговорами князьями с привлечением старших братьев и замирением до следующей ссоры.

Монгольский набег нанес Руси тяжчайший урон. Дело даже не в сожженных городах. Русь обезлюдела до такой степени, что Александр Невский, приехавший в Орду за ярлыком и без обсуждения принявший все условия победителей, отверг единственное их требование. Северо-восточная Русь не может дать воинов в Батыево войско для похода на Запад. Некого. И – небывалый случай – монголо-татары согласились. Но русские сами виноваты, слишком упорно защищались. Только в битве под Коломной сколько монголов полегло, погиб сын самого Чингисхана!

А что наш Городец? Батыева орда не тронула городов на нижней Оке в 1237 году, Муромское княжество уцелело! И хотя от Рязани до Городца всего пара дней конного пути, ровного и гладкого по замерзшей Оке, и еще столько же до Мурома, татары пошли в другую сторону, к Коломне, Москве, на Владимир. Можно только представить, насколько выросло в тот страшный год население Городца, Мурома, Нижнего Новгорода за счет беженцев: булгар, рязанцев, мордвы.

Однако уже осенью 1239 года монголы предприняли карательный набег на Муром.

Зачем монголам, уже разорившим Русь в ходе нашествия 1237-1238 гг., понадобилось брать Муром и снова вторгаться в завоеванные земли? Главная причина одна: покоренные народы восстали. Враждовавшие веками русские, мордва и булгары, встретившись с новой, общей бедой, забыли о распрях и принялись избивать оставленные монголами гарнизоны. Наиболее ожесточенным было восстание в Булгаре и в мордовских землях. У мордовского народа есть повод гордиться своими предками, восстание было настолько мощным, что монголам пришлось вызывать из степи и посылать на его усмирение целые тумены.

Львовская летопись сообщает, что в 1239 году татары, усмиряя восставшую мордву, пришли на Оку: «А инии Татарове Батыевы Мордву взяша, и Муром, и Городец, и град святыя Богородица Володимерския»... Здесь наш Городец упоминается рядом с Муромом и Гороховцом. Карательная экспедиция была суровой, Муром после нее исчез из летописей на долгие годы, а Городец?

Городецкие ширины

Городец, видимо, тоже серьезно пострадал, но сумел восстановиться и вошел в состав Мещерского княжества, основанного выходцами из Орды. *«Князья Ширинские подняли брань на Царя Большой Орды и в 1298 г. ушли из нея кочевать на Волгу. Один из них Бахмет Усейнов сын пришел в Мещеру, взял ее войною и остался здесь княжить»*. (Д. И. Иловайский, «История Рязанского княжества»).

Итак, в самом конце XIII века в Мещеру пришли ширины. Что мы еще знаем о Бахмете Усейнове? *«В Мещере родился у него сын Беклемши. И крестился Беклемши, а во крещении имя ему Князь Михайло, и в Андрееве городке поставил храм преобразования Господа нашего Иисуса Христа, и с собою крестил многих людей. У Князя Михайло сын князь Федор. У Князя Федора сын князь Юрья. И князь Юрья был на Дону, пришел из Мещеры к Великому Князю Дмитрию Ивановичу своим полком»*. («Бархатная книга» – родословная книга российских князей и дворян).

Запомним этот факт: в Мещере правят ширины. На первый взгляд, это гарантировало Городцу политическую защиту на случай большого набега, зачем татарам жечь собственный город? Но шли годы, росло и крепло Московское княжество, и московский князь Дмитрий выкупил у татар Мещерскую область. Сохранилось упоминание о сделке, по которой Дмитрий приобрел Городец Мещерский и Елатьму (Новгородок-Рязанский, по другим данным – Андреев каменный городок) у татарского князя Александра Уковича. Однако сделка пришлась не ко времени, потому что у Дмитрия начались серьезные разногласия с Ордой, точнее – с темником Мамаем.

Мамай решил поучить Дмитрия и послал в поход своего мурзу Бегича. В 1376 году его орда взяла и сожгла Городец. Через год Дмитрий отомстил Бегичу на берегу реки Вожи, разбив его лучший тумен, еще через два и сам Мамай был повержен на Куликовом поле.

Городец Мещерский был заново отстроен, теперь город переместился на прибрежный холм к Оке, где по сей день видны древние «осыпи». Чем руководствовался князь Дмитрий, принимая решение о переносе Городца? Возможно, старая крепость уже не отвечала требованиям безопасности – для татар она была легкой добычей. Но есть мнение, что все дело – в уровне воды. Ока обмелела, и ее приток Бабенка превратился в ручей, непригодный для судоходства.

Новая крепость строилась на более защищенном и укрепленном месте, Дмитрий знал толк в возведении городов. Вблизи нового детинца быстро образовалось поселение, которое мы называем Старым посадом. Прямо под крепостными стенами была устроена пристань, удобная для размещения «судовой рати» в случае большого похода. Задача гарнизона крепости – контроль над территорией и окскими бродами. А что за гарнизон? Скорее всего, были в его составе и татары, пришедшие на русскую службу. Куликовской битвой татарское иго на Руси не закончилось, но с тех пор татары стали относиться к русским с большей долей уважения. И вот уже татарские князья сами отправляются из дикой степи в русские города, на службу русским князьям.

А наше повествование все ближе и ближе к моменту создания Касимовского царства, и чтобы познакомиться с основными действующими лицами, временно перенесемся в Золотую Орду, где в ханском дворце на золоченом сандаловом троне восседает хан Большой Мухаммед.

Большой Мухаммед

Большой Мухаммед вовсе не был большим и тем более – старшим. По крайней мере, свои права на власть в Золотой Орде он предъявил в юном возрасте, в 14 лет. В то время взрослые рано. По одним документам он приходится хану Тохтамышу племянником, по другим – двоюродным внуком. Он вырос в Крыму, пользовался уважением местной знати как чингизид чистых кровей. У него даже было свое войско – «каучин», что-то вроде личной гвардии, доставшейся хану по наследству от предков. В каучин входили представители знатных татарских родов во главе с беками или карачами.

Вряд ли юный Мухаммед мечтал о власти в столице Золотой Орды Сарай-Берке. В Орде хватало и прямых наследников хана Тохтамыша, но сначала случилась неудачная война с Тимуром, изрядно проредившая ряды наследных принцев, потом произошла усобица между самими принцами в борьбе за престол. И, наконец, в ходе сражения армий эмира Едыгея (Едигея, Идэгея) и сына Тохтамыша Кадырбирде оба главных претендента на власть в Золотой Орде погибли. Номинальным властителем орды стал хан Хаджи-Мухаммед, прямой потомок внука Чингисхана Шибана, но поддержки среди местной знати он практически не имел.

Окружение юного Мухаммеда решило действовать немедленно. Во главе каучина принц вышел из Крыма брать власть в Орде. Действовал осторожно: сначала отправился не в Сарай, а по лояльным окраинам. Поход начался удачно, юному хану сразу покорились Хаджитархан (будущее Астраханское царство) и богатая Волжская Булгария, он даже начал чеканку монет со своим именем. В 1420 году в итоге закулисных переговоров и сделок Мухаммеда привезли в столицу – Новый Сарай (Сарай-Берке), где объявили хаканом Золотой Орды. Хаджи-Мухаммед сбежал в Сибирь, где основал новую династию сибирских шибанитов. С ними мы еще встретимся.

Казалось бы, цель Мухаммеда достигнута! Вот она – безграничная власть над батыевым наследством! Но наследники эмира Едыгея, обосновавшиеся на левобережье Волги, не признали власти нового хана. Свои права на трон в Сарае предъявил их ставленник хан Барак (Борак). С помощью ногайцев он разбил войска Мухаммеда, и тому пришлось бежать в Литву к князю Витовту. Мухаммед не смирился с поражением и при содействии литовцев сначала вернулся родной Крым, а там, собрав силы, двинулся на Сарай. В 1426 году Мухаммед одолел-таки Барака и вновь занял столицу Золотой Орды. Но еще несколько раз хану приходилось покидать столицу после поражений и снова возвращаться после побед.

В 1428 году появился еще один серьезный претендент на ордынский трон, к тому же тезка, Мухаммед сын Тимур-хана. Чтобы не запутаться, татары прозвали правителя Орды Улу-Мухаммед («старший»), а его противника Кичи-Мухаммед, то есть меньший, младший. Кичи оказался серьезным соперником, некоторое время нашему герою даже пришлось делить с ним власть.

Несмотря на династическую чехарду, Улу-Мухаммед показал себя искусным дипломатом и хитрым политиком. Отправил послов к турецкому султану, поддерживал тесные отношения с Литвой, благосклонно принял послов германского императора. Оставаясь номинально властителем русских земель, судил споры русских князей. Самый показательный пример – решение спора о Московском столе.

Завещание Дмитрия Донского

1431 год. Плохой год для Руси, тяжелый. Чума выкашивала города и села. Да еще засуха, за все лето не было путного дождя, высыхали реки и озера, люди и звери задыхались в дыму от лесных пожаров. А тут еще внутренняя усобица...

В этом году к хану Улу-Мухаммеду в Новый Сарай явились для разрешения спора о великом княжении совсем юный московский князь Василий Васильевич и его дядя, родной сын Дмитрия Донского Юрий Звенигородский.

Истоки спора о московском престолонаследии следует искать еще в действиях Дмитрия Донского. Русь оставалась под властью Орды. Дмитрий Донской не признавал над собой темника Мамаю, но власть чингизида Тохтамыша признал бесспорно. И все же передал стол сыну Василию «своей волей», без получения в Орде ярлыка на княжение. Тохтамыш проявил снисхождение: подтвердил власть Василия I при условии, что княжич продолжит платить Орде огромную «семитысячную дань». Хан нуждался в деньгах, он воевал с Тамерланом. А князь Василий начал потихоньку править.

Казалось бы, Василий I находится в тени великого отца – победителя Мамаю и строителя белокаменного Кремля. Однако он прожил долгую по тем временам жизнь, насыщенную драматическими событиями. Три года Василий пробыл заложником в Орде, своими глазами видел, как расправлялись татары с не угодившими им русскими князьями. Бежал в Литву, женился на дочери великого князя литовского. По завещанию отца получил Московское княжество, но в Орду за ярлыком не поехал. Существенно расширил пределы Московского государства, присоединив помимо прочего Мещеру, Городец, Муром и Вологду. За удачные походы русских на Волгу его даже звали «завоевателем Болгар». Василий I был сторонником технологических новаций: при нем на Русь активно завозился «огневой бой» – порох и пушки, дорогой пергамент заменялся немецкой бумагой, в Москве даже появились часы!

Василий I оставил законного наследника, также Василия, и завещал ему свое государство. В 1431 году этот отрок с духовной грамотой отца и ближними боярами прибыл в Сарай-Берке к хану, чтобы получить подтверждение своих прав.

Другая сторона спора – Юрий Дмитриевич Звенигородский. Он привез в столицу Орды завещание своего отца Дмитрия Донского, по которому в случае смерти Василия I власть переходила ко второму сыну, то есть к нему, к Юрию. Возникло явное противоречие двух завещаний, и ордынский хан выступил в качестве третейского судьи.

Улу-Мухаммеду польстило, что русские опять явились за ярлыком, но принимать окончательное решение он не торопился. Споры и изучение завещаний Дмитрия Донского и Василия I заняли добрых полгода, в итоге хан принял сторону Василия Васильевича и велел Юрию «вести под ним коня». Возможно, принимая решение, хан руководствовался ордынскими законами, по которым наследование шло только от отца к сыну, а не к старшему мужчине рода. Может, Улу-Мухаммед опасался Юрия, который уже показал себя опытным воином и был горяч и своеволен, весь в отца Дмитрия. Но есть и третья версия: сажая на московский стол подростка Василия, хан умышленно закладывал под Русь мину замедленного действия. И она сработала!

Вернувшись из Орды, князь Юрий сделал вид, что подчинился воле Улу-Мухаммеда, но после первых же «реформ» юного князя, направленных на усиление ордынского и литовского влияния на Руси, выгнал Василия II из Москвы в Коломну. Сам сел на престол, провел реальные реформы, в том числе денежную. При Юрии Дмитриевиче появилась копейка, на которой отчеканен его небесный покровитель Георгий Победоносец, поражающий змея копьем. От копья – и копейка. Но любви москвичей он так и не добился. Бояре, местная знать, а за ней и прочий московский люд грузились на подводы и массово переезжали в Коломну к «истинному великому князю».

Юрий Дмитриевич прожил недолго, скончался в 1434 году, после чего на Руси началась смута и новая гражданская война за престол между его сыновьями и Василием II. Война была кровопролитная и подлая, с клятвопреступлениями, предательствами и ослеплением политических противников. В итоге освобождение Руси от ига Орды отодвинулось на добрых полвека.

Белевский провал

А что Улу-Мухаммед? После того суда о Московском столе он недолго оставался в изрядно пострадавшем от усобиц Сарае. Под давлением Кичи-Мухаммеда он бежал в родной Крым, но там все уже изменилось, былой поддержки не было, и на него напал еще один поток Тохтамыша и претендент на золотоордынский трон – хан Сейид (Сеид-Ахмат).

Зимой 1437 года Улу-Мухаммед покидает Крым со скромным трехтысячным каучином. Подходит к пограничному Белеву, но в город не идет, а строит около него «ледяную крепость». В ней и становится юртом – лагерем. Посылает к князю Василию II послов, описывая свою незавидную участь, и прося лишь разрешить перезимовать в его владениях. Василий, обязанный Улу-Мухаммеду своим престолом, дает добро на зимовку, ведь Белев в то время – литовская вотчина. Единственно, московский князь просит татар не разорять русских пределов.

Зимовать в поле, да без припаса... Татары знают один способ добыть необходимое – грабеж. И страдают от «постояльцев» рязанские окраины, союзные Москве. Узнав о поведении татар, Василий II просит хана откочевать, тот отказывается. В итоге Улу-Мухаммед обнаруживает под стенами своей ледяной крепости войско в 40 тысяч русских под руководством давнего недруга Дмитрия Шемяки.

Русские летописи и в частности Лицевой Свод Ивана Грозного подробно описывают те события. Негодный получился поход: русское войско шло, разоряя и грабя на своем пути русские же села, князья даже угоняли скот, отсылая его в свои вотчины.

4 декабря 1437 г. русские полки прибыли под Белев и стали лагерем. Хан, узрев огромную рать, послал к Шемяке своего зятя Едибердея да князей Усейна Сараева и Усен-хозя с просьбой дать ему дозимовать и обещанием больше не беспокоить русские земли. Казалось бы, хорошее предложение. Не оскудеет Русь прокормом трех тысяч татар одну зиму, и куда лучше иметь в будущем такого союзника, но... не волен князь великий Василий в своих решениях. Прислал к нему грозный хан Сейид гонца с требованием воевать Улу-Мухаммеда. За ослушание грозил набегом. И как тут быть?

Шемяка, который открыто ненавидел татар и на компромиссы не шел, отдает приказ, и русское войско немедленно атакует, вынуждая небольшой каучин хана укрыться в ледяной крепости и частично уйти в Белев. Казалось бы, при десятикратном превосходстве русским обеспечена победа. Но... Карамзин описывает ход битвы так: якобы утром 5 декабря, когда русские князья поднялись в крепость, чтобы продиктовать татарам условия капитуляции, Улу-Мухаммед со смехом указал им на отборную конницу, атаковую тыл московского войска. В Своде Ивана Грозного есть иллюстрации тех событий. На одной из них хорошо видно, как татары указывают русским на всадников, атакующих их войско.

Потом в ходе дознания было установлено, что ночью татары проследовали через Белев и пользуясь туманом, зашли русским войскам в тыл. Провел их предатель Григорий Протасьев, и за измену московский князь Василий II поймал его с сыном и «очи вымал», то есть ослепил. Попали под опалу и белевские князья, но тут обошлось без казней. И все-таки поражение при таком соотношении сил было ужасным, оно надолго определило дальнейшие события.

Чем оно важно для нашего исследования? Мы увидели в деле отборную гвардию – каучин чингизида. В бою эти воины бесстрашны и беспощадны, десятикратное превосходство врага их не пугает.

Первый хан казанский?

Весной следующего года хан Улу-Мухаммед покидает надежную ледяную крепость и направляется в Булгар, где надеется найти поддержку. Обнаруживает города разрушенными, а земли опустошенными усобицами и походами русских князей. Оставшееся местное население просит у него защиты от русских, и, по одной из версий, хан решает строить новую столицу – Казань, возводит дубовые крепостные стены. Он больше не мечтает о власти над Ордой, теперь все его помыслы – о Руси. Пора хану вернуть величие и поставить русских князей на место. Отомстить за вероломство неблагодарному князю Василию II...

Хану еще нет и сорока, но он мудр не по годам. Он знает: залог успеха в войне – надежный тыл. Улу-Мухаммед приглашает в новый город торговцев, обещая защиту и сохранность товаров. Обидеть купца теперь – тяжелейшее преступление. Так Улу-Мухаммед возобновляет знаменитые болгарские ярмарки, ставшие теперь казанскими. Его войско растет с каждым днем, ведь хан обещает походы и победы. У него надежная опора: закаленный в боях каучин с верными карачами и сыновья Махмуд, Юсуф, Мустафа, Якуб и Касим. Несмотря на молодость, все уже воины, им можно доверить войско. Фактически в 1438 году Улу-Мухаммед основывает новую казанскую династию.

Весной 1439 года Улу-Мухаммед вторгся в русские пределы, занял Нижний Новгород, подошел к Москве и начал ее осаду. Однако стенобойных машин татары не имели и не смогли преодолеть каменные стены Кремля. Улу-Мухаммед отступил, ограбив и спалив на обратном пути Коломну. Цель хана понятна – вернуть власть над Русью, заставить русских князей платить дань и ездить за ярлыком только к нему. В 1443 году Улу-Мухаммед снова пошел на Русь. Привычно взял Нижний, расположился в нем на зимовку и разделил войско, доверив его сыновьям. Его второй сын Мустафа той же зимой двинулся на Рязань.

Пограбив рязанские угодья и захватив большой полон, татары не стали возвращаться в Нижний, а попросились перезимовать в Переяславле. Очевидно, татарское войско было ослаблено и потеряло много лошадей, чем и воспользовался Василий II, пославший против татар московское войско.

В исторической битве на Листани (река Листвянка) зимой 1444 года Мустафа был разбит объединенным войском московского князя, рязанских казаков и «мордвы на нартах» (лыжах?). Бились татары отважно, но полегли все. Холм, где царевич принял смерть, сохранился и известен как курган Мустафы.

Суздальская битва

Зимой и весной 1445 года Улу-Мухаммед пытался отомстить за сына, но оба его похода на Муром закончились неудачей, отступлением в Нижний Новгород. Летний поход его старшего сына Махмуда с братом Якубом был более успешен. Они двинулись на Суздаль, где 7 июля 1445 года встретились с войском Василия II. Русское войско было заведомо многочисленней, кроме того, князь сам выбрал место сражения – под стенами Спасского монастыря. Уверенный в победе Василий II устроил накануне «хмельной пир» для дружины и начал битву, не дождавшись подхода всех полков. В хрониках указано, что не подошел обещавшийся быть Дмитрий Шемяка да еще «царевич Достан из Звенигорода» (это значит, что татары были на службе великого князя еще до Улу-Мухаммедовых сыновей).

Махмуд и Якуб применили под Суздалем проверенную тактику: притворились, что отступают под ударом конного полка великого князя. Русские ряды, ворвавшись в татарский стан, расстроились, начались грабеж и мародерство. Тогда татары и ударили всеми силами. Итог битвы плачевен, русские были разбиты. Татары взяли княжескую рать в кольцо и ворвались в лагерь. Великий князь Василий получил много ран и был пленен – впервые и единожды в истории Московского княжества. Его с ближайшими боярами отправили в Курмыш, к Улу-Мухаммеду. А в Москву уже скакали за выкупом ханские послы, везя нательный крест князя в качестве доказательства.

Начались долгие переговоры. Дмитрий Шемяка, тут же занявший столицу как старший из великих князей, был бы рад, если бы князь Василий сгинул в плену у татар. Но Василий дорожил жизнью и предложил за себя выкуп. Огромный! В разных летописях указывается сумма от 40 до 200 тысяч рублей. Или «вся казна». В сохранившемся древнем Лицевом Своде Ивана Грозного есть иллюстрация, на которой князь Василий II клянется крестным целованием выплатить «всю казну». Для сбора выкупа в Москву с князем прибыло около полутысячи татар во главе с царевичем Якубом. Сразу все серебро собрать не удалось, в качестве откупа татары получили «на кормление» русские волости. Улу-Мухаммед роздал их сыновьям и довольный возвратился в Казань.

Но есть и другие мнения.

Никаких документов, подтверждающих факт пребывания Улу-Мухаммеда в Казани, нет. Часто упоминается Нижний Новгород, который он брал и где зимовал, Москва, которую не смог взять, Муром, от стен которого хан бежал. О Казани – ни слова. Более того, в документах до 1445 года упоминается другой казанский правитель – Ази (Язы-бек, Алибек). По версии исследователя В. В. Вельяминова-Зернова, Улу-Мухаммед только мечтал о Казанском царстве. Его небольшая орда, прибыв в Поволжье после Белева, набрела на Саинов юрт – разоренную русскими станицу Курмыш, встала там и перебиралась в Нижний Новгород лишь на зимние квартиры. Зимовать в холодной степи татары не рисковали.

Все изменилось после победы его сына Махмуда (Мамутяка) над Василием II под Суздалем, точнее, после внесения Василием первой части выкупа. Зазвенело серебро в переметных мешках всадников Махмуда, и на его звон потянулись из степей жадные орды из разных племен и родов. С этим войском Махмуд и пошел на Казань. Что случилось далее, история умалчивает, но после 1445 года имя хана Улу-Мухаммеда исчезает из летописей. Почему? Умер? Всего 40 лет, молодой мужчина... Убит? Кем и где? В Казани или ином месте? Могила Махмуда в казанском мавзолее ханов обнаружена, могила Улу-Мухаммеда не найдена до сих пор. Более того, есть версия, что Улу-Мухамед был убит сыном Махмудом, но она тоже не подтверждается надежными источниками.

Исторический факт состоит в том, что в 1445 году на казанский престол взошел старший сын Улу-Мухаммеда Махмуд, который считается первым казанским ханом и основателем

династии. Он благоволил торговле и ремеслам, приглашал известных зодчих. Можно сказать, что та Казань была построена на русское серебро, которое Василий Темный выкачивал из Руси, не оправившейся от ига и усобиц. А ведь надо было еще давать «выход» и в Крым, но главное – в Золотую Орду. Ханы там то и дело менялись, и каждый требовал ясак только себе. Василий послушно платил. Были годы, когда князь отсылал выход сразу трем ордынским ханам одновременно.

Темный князь

В следующем 1446 году Василий II был обманом захвачен в Троице-Сергиевой лавре недругом Дмитрием Шемякой – сыном того самого Юрия Звенигородского. Если верить исто-

рику Карамзину, то ночью 16 февраля в келью плененного князя вошли двое злодеев и передали слова самого Шемяки:

«Для чего любишь татар и даешь им русские города на кормление? Для чего серебром и золотом христианским осыпашь неверных? Для чего изнуряешь народ податями? Для чего ослепил брата нашего, Василия Косого?»

После этого князь был насильственно ослеплен, отчего и получил прозвище Темный.

Злодейство страшное, но точно так же поступил и сам Василий II, ранее ослепивший двоюродного брата Василия Косого. Дмитрий Шемяка просто отомстил за старшего брата. Василий признает свое ослепление божьей карой за злодейства и... делит стол со своим обидчиком Шемякой. А от княжеского престола отказывается добровольно и отправляется в ссылку, в Вологду.

Именно в это время мы впервые встречаем в летописях имя Касима, сына Улу-Мухаммеда. Он с братом Якубом направляется на помощь законному князю Василию, который сделал им много хорошего: «...за добро его, за хлеб его». Но едут братья вовсе не из Казани, а из «черкасских земель с толпою татар».

Это сообщение в чем-то подтверждает версию об убийстве Махмудом отца Улу-Мухаммеда и брата Юсуфа и о попытке убить остальных братьев. Иначе почему Касим и, тем более, победитель князя Василия царевич Якуб оказались «с толпой» в черкасской степи? Факт, что к идущему с Углича князю Василию, ставшему Темным, присоединились татары и оставшиеся верными бояре. Пестрая рать медленно шла на Москву, Дмитрий Шемяка бежал. Возвращение великого князя в столицу было встречено колокольным звоном. Снова заняв престол, князь Василий первым делом посылает татарских царевичей Якуба и Касима преследовать отступающего к Новгороду Шемяку.

А что их старший брат? В 1448 году казанский хан Махмуд объявил поход на Муром и Владимир. Вопрос – зачем? Намекал Василию II, чтобы тот быстрее отдавал долг? Или это был поход в поддержку мятежного Шемяки? Или просто момент был выбран удобный, пока русские меж собой воюют, почему не пограбить? Вышедшее из Казани войско ратных подвигов не свершило и ограничилось привычным грабежом русских пределов. На пути к Владимиру татар встретила рать воеводы Константина Беззубцева, казанцы были разбиты и бежали, бросив полон. Интересно, что номинальным командиром того русского похода был девятилетний великий князь Иван Васильевич, будущий объединитель Руси. В том же году отважный отрок стал соправителем Темного князя Василия. Как уже говорилось, выросли в ту пору рано...

А Шемяка, загнанный в северные болота и постоянно преследуемый татарами Касима и Якуба, скоро попросил у великого князя пощады. Отрекся от московского княжения, клялся, что враждовать с Василием не будет, целовал на том крест.

Князю Василию Темному можно только посочувствовать: поражение в битве, татарский плен, низложение с престола, ослепление... Но именно после этих трагичных событий князь полностью преображается. Его противоречивая политика вдруг становится четкой, ясной, твердой. Чем это объяснить? Духовным перерождением? Возможно, но, скорее всего, ослепленный князь просто стал слушать советы мудрых людей – ближних бояр и владыки Ионы, прекрасно образованного и известного своей рассудительностью. Славился Иона и веротерпимостью, бывал в Риме и Флоренции, учился мудрости у католических священников, общался с муфтиями и муллами.

Наверняка с его совета Василий II дал Касиму в удел Звенигород – богатый город и... вотчину главного противника великого князя Дмитрия Шемяки. Шемяка татар не любил, но боялся, а они быстро разобрались с гнездом «шемякиной смуты» в ближайшем Подмосковье. С тех пор Звенигород часто становился уделом татарских князей, приезжавших из Орды служить русским. Якуб же был отправлен в Кострому, приглядывать за Шемякой.

Пограничная стража

Еще один полезный советник князя – воевода Беззубцев. Его имя и имя его сына встречаются чаще всего в документах о совместных походах с татарами, причем все они успешны. И с его же подачи на южных границах Руси вводятся регулярные сторожевые дозоры. Их задача – следить за появлением степной орды, так как со стороны степи Русь оставалась практически беззащитной, отделяемой лишь Окою. Конечно, в военном плане эти малочисленные отряды не могли противостоять степнякам, но вовремя предупреждали об опасности и поджигали степь перед надвигающейся ордой. Практика, подсмотренная у самих татар. Задача дозоров – поднять тревогу, после чего русские полки выдвигались к Оке и перекрывали броды. Идти в степь русские пока не рисковали, и тут оченьгодились союзные татары.

Разобравшись с неумным Шемякой, князь Василий II в 1449 году выдвигает Касима к южным рубежам княжества. И очень вовремя: татары Касима догнали и разбили на реке Пахре отряд хана Сейид-Ахмеда. Отняли обоз с добычей, освободили большой полон. А это уже прямой конфликт с самой Ордой!

Конечно, Шемяка в скором времени изменил клятве верности, данной великому князю. Из Углича его войско двинулось на Кострому, навстречу ему выдвинулись великокняжеские полки и союзные татары. Новый Звенигородский наместник Касим умел быть благодарным и оказывал Василию II помощь в самый трудный для того период в противостоянии с главным врагом – Дмитрием Шемякой. В походе 1449 года татары Касима стали ударным отрядом великокняжеского войска, вступая в битву в самый ответственный момент.

Здесь необходимо кратко описать устройство русского войска того времени. Часть его составляла пешая рать – пехота. Обычно это было ополчение, вооруженное щитами и копьями, а также мечами и топорами для ближнего боя. Были также отряды лучников, начинавшие сражение перестрелками. Но главная ударная сила русских – тяжелая конница из княжеских и боярских дружин. Обладая огромной пробивной мощью, русская тяжелая кавалерия уступала степнякам в маневренности и быстроте передвижения. И татары Касима в московском войске играли роль легкой кавалерии, отчаянными маневрами запутывая врага, осыпая его стрелами и вовремя ударяя в нужное место.

Особую доблесть проявил Касим в решающем сражении гражданской войны – битве под Галичем (1450 год). Причем царевич выступил здесь уже в статусе полководца – командовал полком правой руки! Василий Татищев в IV томе «Истории Российской» так описывает начало битвы: *«Воеводы великого Князя поидоша с озера к горе, опасаяся, понеже бо гора крута. И выправяся из тех врагов вшедше на гору, начаша полки сходитися. Первее сразися Салтан Касим с своим полком, потом и все полци, и бысть бой крепок надолзе, падаху людие с обеих сторон». В решающий момент сражения: «... князь Васильи Ивановичь наступи с пешими на левые полки, а Салтан к ним на правые Шемякины. Димитрий видево своя вои раздвоены не знал где помогати и побезе».*

Историки признают, что решающим фактором победы Василия II в битве стало участие татар, пугавших *«непривычных к сражению с «погаными» галичан своими дикими воплями и невероятной ловкостью в седле».*

Это было последнее крупное сражение гражданской войны за московский стол. Шемяка сбежал и, скитаясь, «потравился курицей» от чего и помер. После этого татары Касима встали под Коломной и начали исполнять функции пограничников, прикрывая русские рубежи со стороны степи. И не без успеха – с дружиной воеводы Беззубцева Касим разбил у реки Битюг орду шедшего на Русь хана Малбердея.

Против привычной татарской тактики – притворное отступление, а потом удары по флангам и окружение, – Беззубцев с Касимом применили свою хитрость: русское войско выдержало

первый натиск орды, но когда та стала «отступать», никто не бросился в погоню. Удивленный Малбердей был вынужден снова выстроить конницу и послать ее в новую атаку, тут в тыл ему и ударил Касим, скрытно прошедший с войском по верховьям Дона. По службе и награда. Князь Василий II просто обязан был отблагодарить Касима! И отблагодарил, пожаловав в 1452 году Городцом Мещерским.

На каких условиях Касиму были пожалованы обширные территории, и что это были за земли? Некоторые историки считают, что Касим получил совсем безлюдный участок на берегу Оки, при этом ссылаются на слова Татищева: «А князь великий дал царевичу Касиму место по Оке в земле Муромской. Он же построил град себе, именовал Крым ханский». Просто «дал место»?

Отнесемся к словам Татищева со всей серьезностью и попробуем разобраться. Русские князья крайне редко «давали место» в качестве награды. У ордынских ханов это было в порядке вещей, отличившемуся князю выделялось место с богатыми пастбищами в степи, где тот мог встать своим юртом. На Руси же просто «место» не было особой ценностью. Что пользы с пустого места?

За верную службу русские князья обычно жаловали городами и селами, то есть поселениями с работниками и с налаженным хозяйством, гарантировавшим определенный доход в виде налогов. Также пожалованный получал полное судебное право – мог судить своих новых поданных по своей воле и разумению.

Мещера той поры вовсе не была безлюдной. Хоть она и была пожалована ханом Тохтамышем Василию I, но уже более века здесь правили татары – мещерские князья, ширины. Так что учтем эти обстоятельства, а также иные источники, где четко сказано, что Василий II «пожаловал Городцом» царевича Касима.

Сказ 1. Касим идет!

Год 1452 от Р. Х. или 856 год от Хиджры.

Студеная выдалась зима, ранняя. Еще в месяце рабиу ас-сани, который уруссы называют груднем (ноябрем), мороз скоро взялся за дело в этом диком краю. И теперь широкая и полноводная Итиль-река, называемая уруссами Йокой (Окой), превратилась в ровную дорогу, и по ней любой всадник запросто доедет от Москов-града до Муромы, а то и до самой Казани! Доедет, если не замерзнет насмерть во сне морозной ночью у потухшего костра, не провалится в коварную промоину, не задерут его волки или иной зверь, не подстрелит из лука мещеряк. Дикое место, опасное, глухое, не всякому по силам здесь выжить, редкий чужак отважится сюда сунуться, нарушив девственную тишину... Но вдруг донесся шум и гомон со льда реки-Оки. Да такой, что растревожил лесных птиц. И громче всех о своей тревоге сообщили громким карканьем лесные вороны.

Молодой ворон очнулся от дремы и внимательно посмотрел в сторону реки, откуда раздавалось хриплое карканье его сородичей. С чего бы это? Ворон – не сорока, и не серобокая ворона, не глупый воробей. Ворон – птица крупная и основательная, просто так галдеть не будет. Мощно оттолкнулся от сосновой ветки молодой ворон и, удачно поймав встречный порыв ветра, резко взмыл над лесом. Сразу повернул в сторону реки, откуда доносился вороновый гвалт. Над верхушками сосен он широко расправил крылья и теперь летел, зорко всматриваясь в просветы меж деревьями: вдруг еда какая...

Действительно, хорошая выдалась нынче зима, снежная, морозная, лютая. Множество лесных обитателей не пережили этой зимы на радость дикому зверю и им, воронам. Тяжелей всего пришлось оленям да косякам, слишком уж глубокий снег, сколько сил потратишь, пока доберешься до жухлой травы. Вот и падали обессиленные, замерзали. Довелось отведать вороненку этой зимой и косяки, и оленины, и даже лосем полакомился, что на протоке в промоину провалился, да так и вмерз. Славно попиrowала воронья стая, пока злые, голодные волки к

лосю не набежали, но и у них отнял добычу лесной хозяин, которого медведем кличут. По всем правилам зимой медведю положено спать, но встречаются порой шатуны, что всякого зверя опасней.

Уже на подлете к реке услышал молодой ворон незнакомые звуки и запахи, много запахов, разных и странных. А как вылетел к реке, так и увидел ее, «змею»! Длинную, пеструю, шумную. Люди. Много людей.

Ворон сделал круг над головой «змеи» и не в силах сдержать охвативших его чувств, закаркал.

Длинной, пестрой, шумной петляющей змеей растянулось татарское войско по льду Оки-реки. Впереди всех на полет стрелы – десяток дозорных уланов в легких доспехах и со щитами на спинах. Под ними самые проворные кони, потому что дозорный, каким бы смельчаком он не был, завидев врага, должен не в бой бросаться, а коня разворачивать и гнать во весь дух – предупредить своего командира об опасности. Хотя какая сейчас опасность? Но правила строги: перед войском непременно должен идти дозор.

Во главе войска сразу за салтаном едет неспешным шагом царевичев каучин – карачи и мурзы, знатные, бывалые, проверенные в боях командиры. Блестят на солнце их островерхие шлемы, отороченные рыжими лисами, блестят покрытые мудреным узором нагрудные пластины, блестят кольчуги. Иней красиво серебрится на меховых воротниках и шапках седоков.

За каучином четыре вола тянут походную мечеть белого войлока, далее – накрытые дорогами кошмами арбы с семьями царевича и его карачей. Верные нукеры охраняют арбы, зорко глядя по сторонам.

Далее по четыре всадника в ряд – уланы и простые казаки. В руках у них копья с бунчуками, за спинами луки с колчанами, а щиты подвязаны к седлам. Никакой опасности они не ожидают, потому веселы и говорливы. Кто-то запел старую походную песню, остальные сразу подхватили.

За войском следует обоз – арбы и сани с семьями уланов и простых казаков, со сложенными юртами и пожитками. Татары долго не могли привыкнуть к этим русским телегам без колес и к снегу, который лежит здесь чуть ли не по полгода. Но скоро убедились, что сани хоть и меньше арбы, а влезает в них много больше, и по снегу они едут куда лучше.

С саней слышен быстрый говор и смех татарок, при мужьях они обычно молчаливы, а вот зацепились языками и сплетничают, перемывают подругам кости. С одних саней вдруг раздается плач проснувшегося ребенка, мать быстро сует ему в рот кусок белорыбицы в тонкой холстине, малец тут же замолкает и принимается удовлетворенно чмокать.

Замыкают обоз табун добрых лошадей и огромные возы с сеном. Не привыкли татары сами сено на зиму заготавливать. Зачем сено, когда степь есть? А здесь только бескрайние, опасные леса. Это сено великий князь Василь-хакан выдал воинам Касым-салтана и обещал вскоре прислать еще...

За обозом, сильно отстав, бредет стадо: волы, коровы да овцы. Из-за этого стада войско и движется так медленно. Но без него нельзя. Стадо для степняка – главное богатство. Что серебро? Серебром сыт не будешь, а скот еще и приплод дает. Охраняют стадо казаки с луками в руках. Любой, кто на стадо покусится, будь то дикий зверь или чужой человек, сразу стрелу получит. Разбираться никто не будет!

Вороненок покружил над стадом, потом быстро замахал крыльями и снова полетел к голове огромной петляющей змеи.

Во главе войска на арабских рысаках двое – сам салтан Касим и дядька его карача Усейн Кыпчак Сараев. А рысаки непростые – подарок великого князя Василь-хакана за победу под Галич-градом.

Хорош видом салтан Касим: доспехи на нем богатые, кованые, из самой страны Персии привезенные. Сабля в ножнах – дамасской стали, в рукоятке драгоценный камень рубин. Алым огнем блестит камень на солнце, словно глаз дикого зверя, и нет пощады от того глаза, как и от разящего клинка самого салтана. Шапка на Касиме соболья, шуба поверх доспеха тоже на собольем меху, великий князь со своего плеча пожаловал. Наручи – чистое серебро, сделаны мастерами из самого Багдада, покрыты затейливым рисунком с чернением, что от злого глаза сбережет и от иных козней Шайтана. И лицом Касим пригож, разве что косой багровый шрам от сабельного удара, рассекшего ему щеку и верхнюю губу. Оттого зовут его Трегубом. Не беда, шрамы для татарина – знак воинской доблести.

– Кар-р-р! Кар-р-р!!! – раздавалось над головами.

Молодой ворон кружил над всадниками, словно старался их лучше рассмотреть. Карача Усейн нарушил молчание:

– Ворон встречает – хороший знак. Ворон птица священная, связующая мир верхний и нижний. Оттого и живет ворон триста лет! Предки татар своих мертвых не хоронили, а в степи

оставляли воронам на кормление. И чем быстрее вороны мертвое тело склюют, тем легче душа степняка в верхний мир попадет...

Касим карачу выслушал, только улыбнулся. Касим дядьку своего уважает, ведь тот ходил в походы еще с его отцом, великим ханом Мухаммедом по прозвищу Большой. Много воевал: в Крыму, в Булгаре, в Хаджи-Тархане, в степях Большой Орды. Под Белевым бился, под Казню, под Нижним Городом и под Москов-градом. С братьями Касима царевичами Махмудом и Ягубом самого князя урусов Василь-хакана под Суздалем в полон брал! Дядька Усейн – великий воин из славного рода Кыпчак, а верит в приметы, в птиц разных...

Вороненок очертил последний круг над головой всадников и, выбрав на берегу сосну повыше, уселся на ее верхушке.

– Славное место, – сказал Усейн, глянув на берег, над которым расположилась птица. – Кажется, приехали? Это и есть Городец?

Касим посмотрел на остановившихся впереди дозорных, потом на заснеженный часток с ветхими башнями, что виднелись на высоком берегу. Совсем безлюдным выглядел городок, есть ли там живые? Есть! Над частоклом поднимались белыми столбиками редкие дымы от очагов.

Конечно, войско Касима уже заметили с крепостной башни Городца, открылись ворота, выехали навстречу Касиму местные баскаки. Княжеская охрана насторожилась, но видно, что с мирными намерениями спешат к гостям встречающие.

Юный ворон не отводил внимательного взгляда от салтана. И баскаки местные перед Касимом на колени встали, едва с коней прыгнули. Принялись что-то спешно объяснять, указывать на город, что стоит над Окой.

Остроглазый ворон глянул в указанном баскаками направлении и увидел, как спешит встречать дорого гостя уже сам ширинский князь со свитой. По лицу ясно – волнуется, понимает, что с прибытием кровного чингизида начнется новая жизнь. Какая? Время покажет.

И ворон чувствует: пришла в этот тихий уголок свежая сила, новое могущество, грядут времена поистине невиданные... Зарождается нечто грандиозное, то, что меняет сам ход местной тихой истории... В Городец пожаловал новый хозяин!

Ожидая князя, внимательно осмотрел Касим свои новые земли. Да, глушь, но не все так плохо. Разглядел он по пути богатые заливные луга, в мордовском селении нашлись ценные меха и кадки, полные меда, а у рыбаков на берегу огромные связки (бобыки) сушеной рыбы. Да и купеческий караван прошел мимо по Оке, будет с кого брать пошлину.

– Ворон не зря то дерево выбрал, – промолвил Усейн, не отводя глаз от молодого ворона на сосне. – Будем в городок входить или на берегу пока встанем? Думаю, станом лучше.

Касим подумал и согласился, поднял руку и указал подъехавшим уланам на высокий берег, правее мыса, на котором виднелись ветхие стены старой крепости. А сам с верным дядькой и свитой остался на месте, чтобы принять дань уважения от ширинского князя.

Заржали лошади, заскрипели арбы и сани, сворачивая с реки к берегу. Застучали топоры, затрещали, валясь, березы, жалобно заблеяли назначенные к ужину бараны. Быстро поднялись юрты, запылали костры, зашипело на огне свежее мясо.

Молодой ворон с удивлением наблюдал, как на пустом берегу появилось целое стойбище. И хотя быстро темнело – улетать не спешил. Запах мяса дразнил голодного вороненка, он долго крепился, но не выдержал и слетел вниз, к самой большой юрте, к костру, к манящим запахам...

...Салтан Касим с большой серебряной чашей в руке сидел на кошме у костра в окружении ближних карачей. Он первый вороненка и заметил:

– Смотри, Усейн, запомнила тебя птица, – сказал он, смеясь и указывая на ворона рукой. Карача обернулся и тоже хмыкнул:

– Похож на моего зятя Хасана, у него такой же длинный нос!

Разом захохотали сидевшие у костра татары, и громче всех – сам Хасан. Точно подмечено, нос у мурзы Хасана просто выдающийся, что клюв у ворона!

Усейн взял с большого блюда бараний хрящ и бросил птице. Вороненок, испугавшись, вспорхнул было, но тут же снова опустился на снег, осторожно подошел и клюнул мясо. Хорошая еда, вкусная. Под громкий смех татар поспешно подхватил хрящ и взлетел на свою сосну.

Поужинав, юный ворон решил здесь же и заночевать. Сообразил, когда двуногие перестанут жечь свои костры и уснут, у юрт найдется много вкусного.

Конечно, вороны не живут по триста лет, как гласят легенды. Но пусть в нашей сказочной истории ворон Хасан будет долгожителем – связующим звеном меж разными поколениями касимовских салтанов.

Глава 2. Касим – первый салтан

Документов с точной датой прибытия Касима в Мещеру не сохранилось, современные историки датируют факт основания нового государства 1452 годом методом исключений, но и эта дата остается обсуждаемой. В русских летописях указано, что *«... зимой Якуб и Касим ходили с Иваном, сыном великаго князя Василия в погоню за Шемякою к Кекшеше и устью Волги»*. После этого похода Касим земли и получил?

Итак, примем за факт, что в середине XV в., предположительно в 1452 году, великий князь московский, внук Дмитрия Донского Василий II Темный пожаловал Городец Мещерский и земли вокруг него царевичу Касиму, сыну ордынского хана Улу-Мухаммеда. Пожаловал... Подарил? А может, уступил? Или откупился городком с землями?

Каким был на самом деле Касим, татарский царевич, пришедший основать новый татарский город и государство в мещерских дебрях? По внешности – безусловно, монголоид. Будучи

сыном хана Большой (Золотой) Орды, он был чистокровным чингизидом, так что сразу предположим острые скулы и восточный разрез глаз. В некоторых источниках упоминается прозвище Касима – Трегуб. Редкое прозвище, возможно, появилось из-за заметного шрама на лице.

В ту пору Касим был молод. Даже если предположить, что его отец Улу-Мухаммед женился в год своего воцарения в Орде в 1420 году, и Касим был пятым или даже шестым сыном хана, дату его рождения следует искать где-то между 1427 и 1432 гг. Так что к указанным событиям Касиму было не больше 25 лет. Для тех времен – уже опытный воин и правитель.

Теперь о том, на каких условиях получал Касим эти земли? По этому вопросу до сих пор ведутся споры, существуют разные, порой полярные версии. Попробуем разобраться.

Версия 1 (русская, патриотическая). Внук Дмитрия Донского великий князь Василий II, предвидя будущее движение Руси на восток, придумал создать на Оке буферное государство с номинальным, зависимым от него татарским правителем – чингизидом. Это ханство должно гостеприимно принимать обиженных в различных ордах родовитых татар, которые готовы служить московскому князю. Со временем ханство призвано стать плацдармом для походов на Казань и далее – на Золотую Орду.

Версия 2 (пораженческая). Василий II, попавший в плен после бездарно проигранной битвы под Суздаем, был готов откупиться от казанского хана Улу-Мухаммеда чем угодно. Не сумев собрать вовремя огромный выкуп, он отдал город и земельные угодья, наплевав на проживающее там православное население. Тем более, реальной власти в Мещере Василий не имел, там давно хозяйничали татары – ширинские князья. Улу-Мухаммед эти земли милостиво принял и подарил сыну Касиму.

Версия 3 (криминальная). Победивший московского князя Василия II хан Улу-Мухаммед недолго радовался победе. В том же году его старший сын Махмуд (Мамутяк) под покровом ночи лишил отца и брата Юсуфа жизни, чтобы занять трон. Двое его младших братьев Якуб и Касим чудом спаслись и бежали в ногайскую степь. Не получив помощи от родни, они оказались в Московском княжестве, где попросили у князя Василия II защиты и убежища. Тот братьев принял, обласкал и выделил Городец Мещерский в обмен на обязательство верно ему служить, что они и делали до конца жизни.

Версий еще несколько, но, если вспомнить запутанную предысторию прихода Касима в Городец, истина лежит где-то между несколькими из них.

На окских берегах

В художественной части книги мы описали прибытие татарского войска к Городцу в зимнее время. Что ж, дорога по замерзшей Оке хоть и извилиста, но ровна, очень удобна для продвижения войска с обозом. Но зимовать на новом месте в лесу... Татары были приспособлены ночевать даже в поле и лютой русской зимой – в теплых войлочных юртах было даже комфортно. Другое дело семьи и хозяйство, опять же надо кормить лошадей и стадо.

Летом проблема кормежки решалась, однако постоянной «езжей» дороги из Москвы в Муром долгое время не было. Через Оку перебирались бродами, и броды эти имели стратегическое значение. Ока долгие годы была пограничной рекой меж Русью и дикой степью. Кто владел бродами, тот контролировал ситуацию.

Так что увидел Касим, когда прибыл на новое место? Скорее всего, рыбацкую деревушку на берегу в районе современной пристани, дремучий лес, покрывавший прибрежные холмы, и остатки древней крепости на одном из них. Касим даже не сразу разглядел посад – убогое мордовское поселение у стен крепости. Испуганную мордву тоже не увидел, ведь местные благоразумно попрятались по лесам. Безусловно, даже после подмосковного Звенигорода место было диковатое. Зато обнаружили местные татары. На высоком мысе поблизости от старой крепости сохранился старый юрт баскаков – сборщиков ясака с местного населения. Несколько юрт, обнесенных частоколом. Считается, что по имени баскака Муссы тот мыс получил название Мусина гора. Но к приезду Касима институт баскаков был практически упразднен, оставшиеся здесь татары обленились от сытой оседлой жизни и проводили дни в праздности в окружении наложниц из местных красоток. Глянешь на такого и не сразу разберешь, татарин или мещеряк?

И здесь Касиму предстояло обустроить свою столицу.

Прежде всего, определим цели и задачи, которые ставил перед собой царевич, оценим его способности и ресурсы, которыми он располагал.

Основная цель – построить татарский город, столицу нового мусульманского ханства, потому что Касим теперь с полным правом считает эти земли своими, честно заслуженными в боях, и собирается передать их своим наследникам. Если и возникнут какие-то проблемы с местными татарами, то у Касима есть силы и возможности эти проблемы решить. У него сильное и верное войско, плюс «право чингизида» – серьезный довод в любом споре.

Но это легко сказать – построить город, а какой именно? Из какого материала, какого размера? Тут помимо материальных ресурсов нужен строительный опыт или хотя бы образец. Посмотрим, какие города мог видеть в своей жизни Касим?

По следам Касима

Если предположить, что Касим родился в ордынской столице Новом Сарае (Сарай-Берке), то при строительстве своего города мог ориентироваться на Сарай.

Ордынская столица давно скрыта под вековыми слоями песка и степной пыли. Но какой город мог видеть в детстве Касим? Посреди бескрайней степи на берегу реки Ахтубы высокие глинобитные крепостные стены, за которыми теснились многочисленные юрты степняков, презиравших избы и прочие стационарные жилища. Помимо юрт в городских кварталах ордынской столицы располагались богатые торговые ряды, многочисленные лавки и мастерские ремесленников – большей частью из славян, угнанных в полон. На площадях высились мечети с минаретами и даже православные храмы. Судя по описаниям древних путешественников и данным современных археологов, город был огромным с населением в 75 тысяч человек и простирался верст на десять вдоль Ахтубы. Центром столицы была площадь перед ханским дворцом, окруженным стеной с парадными воротами. Дворец имел печное отопление, керамические полы «с подогревом», внутри было устроено что-то вроде римских терм с мраморным бассейном. Существовал даже водопровод с огромным «кувшинным» колесом. Инфраструктура города была основана на рабском труде тысяч невольников, плененных большей частью в Руси.

Так что же, Касим и построил свою новую столицу по образу и подобию Нового Сарая? Проследим за его судьбой, и посмотрим, какие еще образцы архитектуры и градостроительства были ему доступны.

Возможно, после бегства Улу-Мухаммеда из Орды, Касим побывал в Крыму у родни. Бахчисарая тогда еще не было, а будущие великие ханы жили в небольшом селе Салачик у подножия Чуфут-Кале посреди пастбищ, и до наших дней там сохранились лишь их родовые усыпальницы. Вряд ли это предгорное село могло служить образцом градостроения, но в Крыму Касим мог видеть старые крепости генуэзцев и греческие полисы на черноморском побережье. А они при всей своей древности не могли не восхищать.

Бегство из Крыма под Белев. Не уверены, что юного царевича впечатлил частокол небольшой русской крепости.

Казань? Если что и увидел тогда Касим на волжском берегу, то развалины, оставшиеся после русских набегов. Однако примем к сведению, что старший брат Касима Махмуд сумел превратить эти развалины в большой процветающий город в очень короткое время.

Москва? Москву Касим мог увидеть, когда в составе пятисот татар со своим братом Якубом прибыл в город, сопровождая князя Василия. Вот Москва царевича поразить могла... только белокаменным Кремлем, построенным Дмитрием Донским. Но к тому времени стены его заметно обветшали от частых осад и приступов, а в остальном Москва за исключением нескольких каменных храмов еще долгое время оставалась большой деревней. И что взять за образец?

Погодите, ведь был еще Звенигород, отданный Касиму Василием II для проведения политики великого князя среди местного населения. На первый взгляд, факт незначительный, как и сам Звенигород – небольшой городок в 30 верстах от Москвы. Там и сейчас-то проживает не более 30 тысяч человек. Однако во времена Касима Звенигород считался едва ли не второй столицей Руси. Князь Юрий Дмитриевич, всерьез претендовавший на русский престол, после удачного похода на Булгар отстроил свою вотчину как стольный город. Кремль с мощными стенами и башнями располагался на плато с 50-метровым почти отвесным склоном, в центре детинца князь построил золотоверхий терем-дворец, рядом возвел белокаменный Успенский собор, предположительно распланированный Андреем Рублевым. В 1405 году был построен также белокаменный Рождественский собор в Саввино-Сторожевском монастыре, который по сути

тоже возводился как военная крепость – с мощными стенами и башнями. В годы гражданской усобицы местное население во главе с боярами, конечно, поддерживало своего князя Юрия, а после – его сыновей в борьбе с московским князем. Чтобы эту «смуту усмирить», Василий Темный и жалует город с уделом татарскому царевичу.

Но что за войско привел с собой чингизид Касим? Историки сообщают, что в 1447 году в Звенигород с Касимом пришла «станица казаков-черкас, мусульман с Кавказских гор и с берегов Цемесской бухты». Черкесы – народ горячий. Не уверены, что у пришлого воинства возникли доверительные отношения с местным населением, скорее наоборот. Стоит признать, Василий II провел довольно ловкую и вероломную акцию, направленную на устрашение политических противников.

Пребывание «татарской станицы» в Звенигороде не затянулось надолго. Татары во главе со своим салтаном были большей частью в военных походах, а в 1452 году Василий Темный уступает Звенигород князю Василию Ярославичу в обмен на Дмитров. Неизвестно, может, московскому князю и в самом деле срочно потребовался город Дмитров, или он просто придумал повод, потому что пребывание басурман в православном Звенигороде стало совершенно невозможным. Есть версия, что князь побаивался держать столь буйную орду близко от Москвы. Так или иначе, в том же году Касим с войском перебирается в новый удел на Оке строить себе город.

Заканчивая тему Звенигорода, нужно добавить, что этот город еще несколько раз был жалован чингизидам, состоящим на русской службе. После Касима в Звенигороде проживали отставной казанский хан Абдул-Латиф (1492—1497), астраханец Дервиш-Али (1552—1554), Симеон Касаевич, он же бывший хан казанский Ядыгар-Мухаммед (1554—1565), Муртаза-Али, в крещении Михаил Кайбулин (1569—1575). Каждый из них оставил след в истории Руси и этого древнего города. Недавно при раскопках звенигородского кремля обнаружены останки ханского дворца, правда, пока не установлено, чьею именно, а мы вслед за Касимом отправимся на окские берега.

Перед масштабной стройкой посмотрим, какими ресурсами располагал Касим.

1. Средства, то есть деньги. Касим не был стеснен в средствах. Практически все его военные походы успешны, и после них, как правило, победители делят богатую добычу и получают награду от великого князя. Более того, Касиму сразу стали платить «выход» из Москвы, то есть дань, подобную той, что отправляли русские в Орду. Платили ему и рязанские князья. Наполнялась казна царевича и ясаком (налогом) с местного населения, а также таможенными сборами с проходивших купеческих караванов.

2. Стройматериал. Деревя в округе – в изобилии! И вековые дубы, и корабельные сосны. Но степняки строить из дерева не привыкли. В степи дерево – товар редкий и дорогой. Куда привычнее глина, кирпич из высушенной на солнце или слабообожженной глины. Но строения из такого кирпича недолговечны. Производство крепкого и долговечного кирпича все-таки процесс долгий, надо строить специальные печи. Но ведь есть еще и камень! В 10 верстах от города выход известняка!

3. Рабочие. Дефицита рабочих рук тоже не было. Из походов татары возвращались с пленными – полоном. Знатных и состоятельных отпускали за выкуп, остальных продавали или обращали в рабов.

Из упоминаний в документах известно, что в Касимове на протяжении веков существовал невольничий рынок. Кем там торговали? Скорее всего, во времена Касима никаких ограничений не существовало: кого поймали, того и продают. Но уже во времена княжения Ивана III появился запрет на продажу православных. А вот по поводу языческой мордвы никаких запретов не было. Как и по поводу католиков – литвинов и поляков, захваченных во время войн и набегов. Но никаких цепей и кандалов! Рабы из Литвы, конечно, были существенно ограничены в правах, но играли роль слуг, строителей, поваров и... учителей татарских детей.

Часто пленные поляки и литвины служили мелкими чиновниками при салтановом дворе или строительными прорабами.

Сгоняли на стройку и местное население.

4. Мастера и технологии. А вот здесь явная проблема! На Руси не было мастеров каменных дел, извелись на корню во времена Батыева нашествия. И павшая под ударом османов Византия больше не присылала на Русь своих зодчих. Белокаменный кремль Дмитрию Донскому строили итальянцы, и Ивану III приходилось выписывать мастеров из-за границы, большей частью – из Италии. Был утерян секрет изготовления «вечного» раствора на куриных яйцах и «выпеченного кирпича», из которого строились домонгольские храмы. Русские научились строить большие подъемные машины. Все приходилось изобретать заново или завозить.

Подумаем, где мог найти мастеров для строительства каменных зданий царевич Касим, если учесть, что при Василии Темном никакого каменного строительства даже в Москве почти не велось, а ханы Орды оставались злейшими врагами. Выбор невелик. И все-таки в древних документах порой упоминается мечеть и «дворец Касимов каменный», а каменный минарет, строительство которого приписывается Касиму, до сих пор возвышается над древним городом. Мог Касим найти тех мастеров, что строили белокаменные соборы в Звенигороде и привезти их на Оку? Теоретически мог.

Но... собирался ли Касим вообще строить город?

Новое место – новая жизнь

Итак, Касим прибыл на Оку, был с почетом принят правившим здесь ширинским князем. Что дальше? Вряд ли Касим с многочисленным двором стал селиться в Городце, там было тесновато и без него. Не простой мурза пришел, и даже не карача. Потомку Чингисхана положен просторный дворец.

Где его строить? На современных картах Касимова в непосредственной близости от Старого посада есть топографическое обозначение Уланова гора. Само название места – «говорящее».

«Уланы» (оглан – сын (тюрк.)) наименование от рождения всех чингизидов до XV в. Впоследствии было вытеснено термином «султан». Но некоторые чингизиды и позднее назывались огланами (уланами). Также уланами у татар называлась дворцовая стража – элитное подразделение верных салтану телохранителей. В любом случае, название горы указывает на нахождение здесь в давние времена уланов – дворцовой гвардии, либо самого оглана – салтана.

В Касимове бытует и более поздняя версия названия горы: во время Отечественной войны 1812 года на горе останавливались уланы – легкая кавалерия, унаследовавшая название от татар.

Но вернемся в 1452 год. Думаем, на выбор места повлиял и еще один фактор: недалеко от Касимова на правом берегу Оки находится Малеево – огромный источник известняка, существующий до сих пор. Оттуда и привозился камень для строительства.

Есть версия, что и ханский дворец (замок), и первая мечеть в Ханкермане были построены из привычного татарам обожженного кирпича по образу и подобию строений в Сарай-Берке. Также есть предположение, что и первая мечеть с минаретом, и ханский дворец, и прочие строения Ханкермана времен Касима были из дерева – самого доступного на то время материала. Деревянная мечеть? Да, в отличие от русской церкви в мусульманской мечети не должно быть ни икон, ни мощей, ни престолов, это – просто место поклонения. Главное, чтобы в одной из стен был михраб, ниша, четко указывающая Киблу – направление расположения священной Каабы в Мекке. Кибла служит ориентиром, к которому обращаются лицом мусульмане всего мира во время молитвы. Из какого материала постройка, не так важно. Наличие мечети – четкий сигнал: татары поселились здесь всерьез и надолго. Всякий мусульманин будет принят в Ханкермане как брат, невзирая на его социальное и имущественное положение.

Рядом с мечетью располагался царевичев дворец, обнесенный стеной с воротами. Правда, дворец – слишком громко сказано. Скорее – укрепленный дом, способный выдержать длительную оборону, он же административный центр, где салтан с советниками принимал государственные решения и вершил суд. Площадь перед мечетью и дворцом окружали дворы знати, где жили карачи (беки), мурзы и беки из ближайшего окружения салтана. Образовавшееся поселение было огорожено частоколом.

Новое государство

Помимо строительства дворца, мечети и прочих зданий Касиму пришлось выполнить не менее трудную задачу – построить новое государство! Прежде всего, создать свой двор и каучин, обязательный для каждого наследника Чингисхана. По описаниям пребывания Касима в Звенигороде мы знаем, что основу его войска составляли ногайцы и кавказские черкесы. Воины отважные, но неродовитые. В ходе сражений за московского князя к Касиму присоединялись и иные татары, пришедшие на службу русским из Орды, Казани и Крыма, видимо, из их знати и формировалась правящая элита нового царства.

Традиционно каучин джучидских ханов (Джучи – сын Чингисхана) составляли карачи – старейшины родов Ширин, Мангыт, Аргын, Кыпчак, Джалаир.

Историк В. В. Вельяминов-Зернов в своем исследовании, ссылаясь на грамоту Ивана Грозного от 1563 года, замечает: *«Я даже думаю, что в первые времена в Касимове не только три (Аргын, Кыпчак и Мангыт), но и все четыре главных рода были те же, что в Крыму и Казани, т.е. Джалаиры возвысились только в последующую эпоху существования ханства, а что прежде до них были Ширины».*

Таким образом, правящую верхушку нового государства составили карачи (визири), мурзы (князья), их дети – имильдаши. Существовал совет аталыков (уважаемых людей, старейшин), к которому прислушивался салтан. Из них же выбирались казыи – судьи, судившие по законам шариата. Приговор они выносили от имени салтана, потому что судебная власть в царстве принадлежала именно ему.

Особым сословием были сеиды – духовенство. Сеидов – мулл и хафизов (толкователей Корана) – старались пригласить из арабских стран. И чем ближе к Мекке, тем лучше. Из Казани и из степи приходили дервиши – бродячие проповедники.

Как мы уже говорили, ширинские князья, давно обосновавшиеся в Мещере, играли в истории Касимова важную роль. Ширины, считавшие Мещеру своим юртом, вряд ли обрадовались прибытию сюда Касима с войском. Но скорее всего, договоренности об этом были достигнуты заранее. Ширины в Крыму были самым влиятельным родом, составляли каучин хана. И после прибытия Касима на Оку ширинский князь стал карачой, сохранив все привилегии, более того, ширины собирали свою таможенную пошлину и правили суд в своих селах, имели свое постоянное войско, и в скором времени в русских хрониках появятся упоминания: «мурзы, уланы и казаки касимовские и городецкие». То есть, каждый город выставял свое войско.

Двор ширинского князя располагался в центре Городца, перед ним на площади по определенным дням был базар, где продавали свой товар живущие отдельным кварталом ремесленники. Далее поквартально размещались дворы беков и мурз, уланов и простых казаков. Все это окружала крепостная стена – частокол из вертикально поставленных и вкопанных в землю бревен с угловыми башнями и проезжими воротами. За городскими стенами располагался посад, населенный местной мордвой и мишарями.

Получается, на Окском берегу рядом оказались сразу две крепости? Ничего удивительного. Позже крепость Касимов и также окруженная стеной Татарская слобода со времен хана Шах-Али тоже стояли рядом, разделенные глубоким оврагом.

Придя в город, татары Касима почти не изменили традиционному укладу жизни. Основная их профессия – воины, что совершенно не мешало заниматься скотоводством: разводить лошадей и овец, благо, заливных лугов по Оке хватает. Рабочих рук тоже. Привыкшие к просторам степняки большей частью жили на лугах за Окой в юртах посреди тучных стад, в город возвращались лишь на зимние квартиры или в случае объявления похода.

Как это часто бывает, новый город стал быстро обрастать посадом. Горожане нуждались в товарах и услугах, а посадские крестьяне, торговцы и ремесленники их обеспечивали. Но здания и жилища там были большей частью временными, ведь в случае военной опасности посад первым делом сжигали.

Степняки в Мещере

На Оке возникает государство совершенно нового типа. Татары, до того лишь грабившие русские уделы и уходившие с добычей обратно в степь, стремительно становятся оседлыми землевладельцами. Им выгодно не грабить окрестные села, а наоборот всячески содействовать их процветанию. Ограбленный крестьянин много не наработает. Богаче село – больший даст доход.

Но если мы говорим о мещерских поселениях тех времен, то давайте сразу забудем об уютных деревеньках с резными наличниками на окнах изб с печными трубами над тесовыми крышами. Никаких наличников, труб, да и самих изб. Славянское население края к этому времени было вырезано или уведено татарами в полон. Кому повезло – разбежались, кому нет – стали сабанчи, крепостными крестьянами. И жили они большей частью не в избах, а в полуземлянках. Мордва предпочитала селиться летом в общих бараках с плетеными из лозы стенами и двухскатной крышей, зимой – в землянках, отапливаемых по-черному. Такие строения не жалко, их можно бросить и скрыться в лесах. Благо, они в Мещере до сих пор труднопроходимые.

Касимовские татары гарантировали местному населению защиту от внешнего врага, за что собирали ясак – подушный налог «с дыма», и в методах выбивания долгов и недоимок татарские даруги (чиновники по сбору податей) не церемонились. Злостный неплательщик запросто мог оказаться на невольничьем рынке. Как итог, местная мордва массово подалась в леса и в рязанские пределы.

Сохранилась договорная грамота великого князя Ивана III с великим князем рязанским Иваном Васильевичем, написанная 9 июня 1483 г. В этой грамоте великий князь московский Иван III выговаривает своему «младшему брату» великому князю рязанскому, что все вопросы касательно отношений с Касимовским ханством и его правителями он будет решать сам. От рязанского же князя требуется не принимать «черных людишек» и прочих язычников, которые с земель, отданных татарам, сбегают в рязанские земли. А тех, что уже сбежали, лучше бы вернуть. А не получится вернуть, придется платить за них ясак татарским даругам. Упоминается в грамоте и «выход» от Рязани в пользу Касима и сына его Даныяра. О «выходе» будет отдельный разговор.

Конечно, налоги и недоимки – это всегда неприятно, но важно другое: на окраине русских земель появляется государство с городом, где ислам является верой уже не захватчиков и грабителей, а друзей государя. Пусть еще не добрых соседей (их религия, язык и традиции сильно отличались от русских), но стратегических союзников.

Да, скорее всего, отношения князя Василия II и Касима складывались именно союзнические, как у Москвы с Крымом времен Ивана III. С другой стороны, для русских Касим так и не стал ханом, и в документах упоминался «салтаном» – царевичем, как и его наследник Даныяр. В чем разница? Хан – это высшая власть, над ханом только Аллах. Царевич – иное дело, царевич служит великому князю. Князь может привечать царевича, называть его братом, сажать рядом за столом, но в любой момент князь может приказать царевичу выдвинуться в поход и вступить в бой с врагами, будь то Литва, мятежные русские князья или враждебные татары.

Неизвестно, бывал ли Василий II в городе Касима, но самого салтана принимал в Кремле, сажая подле себя. Огромная по тем временам честь!

Новый город Касима получил название Ханкерман (Хан-Керман, Ханкерман) – ханский город. Название более чем вызывающее! А для поддержания амбиций нужно надежное и сильное войско, ведь с прибытием на Оку союзных татар Касима укреплялась Большая узда – сеть русских оборонительных укреплений по Оке. И потянулись из степи в мещерский город татары: целыми родами – юртами, малыми станами, парами и поодиночке...

Сказ 2. За новой жизнью

Год 1455 от Р. Х. или 859 год от Хиджры.

Двое в степи

Плохо стало в степи, голодно. И коням, и людям, и степным волкам, и воронам. Великая сушь пришла в степь, а еще хитрые урусы пожгли ее, чтобы оградиться от степных набегов. Вот и выгорела степь, обезлюдела, и зверь ушел, и всякая живность.

Не привык ворон Хасан спать на пустой желудок, да не первый день голодал, все летал над засыпанной пеплом степью, все искал. Хоть бы мышь какая... Но нет, не видно, только серый пепел да белые кости, обгрызенные диким зверьем. И зачем только послушал Хасан старых воронов, утверждавших, что в степи всегда падали в достатке? Пусть сами пададь едят!

И совсем Хасан отчаялся, когда начало темнеть. Ведь сегодня еще резко, совсем не повесенному поменялась погода, будто зима решила вернуться: задул пронизывающий северный ветер, и похолодало так, что на молодую траву выпал иней.

Хасан давно почувствовал, что слабеет. А слабый ворон – мертвый ворон. Все труднее дается полет, все чаще приходится выдергивать свой ум из вязкого оцепенения... «Похоже, я стану единственной пададью в этой степи», – обреченно подумал Хасан, из последних сил стараясь не снижаться.

Но что это?.. Вдруг потянуло дымком... Блеснул вдали огонек... Костер? Если костер, значит стойбище, люди, есть надежда пожить. Точно, костер! Ворон радостно каркнул и свернул на огонек.

Это оказалось совсем маленькое стойбище: всего один двуногий и лошадь на небольшом островке, уцелевшем от огня. Низкорослая лошадка трясла гривой, рыла копытом, силясь раскопать молодую поросль под пеплом, нанесенным ветром. У костра сидел одноглазый казак, сыпал на холстину муку, добавлял в нее воды из тыквы и бараньего курдючного жира, месил. Потом разгреб угли и пристроил над ними две лепешки, дожидаясь, пока подрумянятся, достал из седельной сумы кусок вяленой конины – балык, налил в глиняную чашу кислого кобыльего молока – кумыса.

Хасан тяжело приземлился в полутьме сумерек, едва устоял на одеревеневших ногах. Совсем плох... Слабый и голодный ворон немного подождал, надеясь порыться в объедках, когда двуногий заснет. Но тот спать не собирался. Не в силах бороться с голодом, Хасан вышел к огню. Будь что будет! Он широко разинул клюв, показывая, насколько голоден.

«Хаш, хаш, хаш!» – выпрашивал ворон, однако близко подходить не спешил – двуногие бывают опасны, а улететь сил уже и не было.

Но казак неожиданно обрадовался говорливому ворону, на чумазом от пепла лице расплылась широкая улыбка. Взял нож, отрезал от балыка, кинул птице. Хасан съел, подошел ближе, склонил голову набок. А казак угостил еще и начал рассказывать, что этот балык готовила его жена Фарида, красавица и умелица, да умерла от мора. Аллах покарал. За что? Казак не знал, чем прогневил всевышнего. И дети тоже умерли. И юрт их почти весь вымер. А сам он жив остался, потому что на дальнем пастбище был. Возвратился в стойбище, а там все мертвые и больные. Жена на его руках умерла. А он ее из хорошей семьи взял, калыма трех коней за нее отдал да баранов три десятка. И юрта у него была – чистый войлок! А зовут его Ибрагим, так мулла назвал в честь ветхозаветного пророка Абрахама! Давно Абрахам жил. Еще до пророка Мухаммеда, благословит его Аллах. Мулла обещал, что это имя принесет счастье. И хорошо сначала все было. Жена, дети, стадо. Но потом карача Кыпчак, верный раб хана Седи-Ахмата, позвал в набег на урусов, и тоже как все ладно складывалось поначалу! Хорошую добычу взяли, серебра звонкого, полон большой. А потом на реке Пахре побил их салтан Касим, брат Ибрагима там и погиб. А ему самому стрела на излете в глаз попала. Чиркнула сверху вниз – и нет глаза! Если бы прямо попала, стигнул бы и он. Но Фарида его и одноглазого любила. Хорошая была жена, домовитая, готовила вкусно, пела красиво. Фарида, Фарида, почему она ушла?.. И ведь как ей шло имя – воистину редкостная была женщина. А дети – сын Али да дочка Фатима такие смышленные... Дочка на мать похожа, красавица, а сын – вылитый Ибрагим. Но умерли, ведь на все воля Аллаха.

Казак все говорил, говорил, не замечая слез, катившихся по седым от пепла щекам. За разговором чуть не упустил стряпню. Снял с углей румяные, чуть подгоревшие лепешки, разломил одну, кинул кусок ворону. Хасан угощение принял и подошел совсем близко, чувствуя, как отогревается. Понял, казаку надо просто выговориться. А тот продолжал рассказывать, как надел рукавицы из толстой кожи, как натянул на голову мешок с дыркой для глаза и похоронил свою семью. Жену, детей, отца с бабкой, братьев, племянников. Взмок весь в том мешке. Юрты сжег: нельзя юрты, где мор был, на земле оставлять. От них опять мор пойдет. А стадо почти все волки погрызли. Некому было охранять. Что осталось – собрал и шурину продал совсем

дешево. И вот едет теперь казак в Хан-Керман на реке Эве к салтану Касиму за новой жизнью. Вся степь о салтане Касиме говорит как о великом воине! Он самому хакану урусов Василию ближний друг, почти как брат! Каждому татарину службу дает, никому не отказывает.

Давно прогорел костер, нечего больше подбрасывать в огонь. Сытый казак клевал носом, но продолжал бормотать, как славно он будет жить в Хан-Кермане и служить салтану Касиму. И пусть ворон не смотрит, что казак на вид мал ростом и тщедушен. Ибрагим смел и отважен! А после хорошего похода, если возьмет его Касим себе в войско, будет копить на калым, снова женится, дом заведет, детей. Продолжится славный род...

– А что, ворон, как думаешь, возьмет меня, одноглазого, салтан Касим на службу? – спросил казак, широко зевая и накрываясь потником.

– Ка-а-а-ар, – заверил Хасан, дескать, возьмет, не сомневайся...

Утром казак долго молился, обращаясь в сторону, где по его понятиям находился священный город Мекка, славил Аллаха милостивого и всемогущего. Закончив, доел лепешку, щедро поделившись с вороном, выпил остатки кумыса, взобрался на лошадку и неспешным шагом двинулся по выгоревшей степи.

Хасан долго глядел ему вслед. В памяти снова всплыла та старая сосна над небольшим городком. И лес, его лес. Хасан вдруг решил, что ему пора домой, ничего хорошего в этой степи нет – зря вороны болтали. Поднялся в небо, сделал круг над всадником, громко каркнул, поблагодарив за ужин – да что там ужин, за спасение! – и быстро полетел на север, к своему городу.

1455 год. Наем на службу

Совсем осерчал Аллах всемогущий на бедного Ибрагима, опять послал беду на его голову. Возможно, Ибрагим и сам виноват: не стал дожидаться за Окой нукеров салтана Касима, как другие, решил сам переправиться к Хан-Керману бродом. Да с местом не угадал. Половину реки в седле пересек, а потом снесло его быстрым течением на глубину, еле наплаву удержался, вцепившись в гриву Гривастой. Едва на песчаную отмель вместе выгребли. А вот суму с пожитками унесло течением – плохо привязал, недотепа. А там и сапоги, и халат новый, и провизии остатки. Так голодным на берегу и заночевал.

Выезжают утром нукеры из открывшихся ворот Хан-Кермана, спускаются к берегу, где собрались прибывшие казаки, а Ибрагиму и обуться не во что.

Впереди нукеров карача Хасан на вороном коне. Смотрит на казаков, прибывших из степи, улыбается – растет сила касимовской орды. Много казаков хотят служить салтану Касиму. Славные воины! Здесь и казанцы, и ногаи, и даже крымцы есть. Но в свой юрт Хасан сначала выбирает своих...

– Эй, кыпчаки есть? – зычно кричит карача.

Спешно отзываются казаки степных юртов, тянут руки вверх. Поднял руку и Ибрагим. Так и стоял, пока до него очередь не дошла. Подъехал Хасан, глянул насмешливо на одноглазого воина, низкорослого, босого, обернулся на своих нукеров, те тоже с трудом сдерживают смех. Корявый какой-то, в стареньком, видать, дедовском тягиляе (кожаном доспехе) – хорош герой.

– Так кем ты будешь, вольный казак? – спрашивает карача.

Спешит Ибрагим, сбивается, перечисляя предков своих, отца и деда, и прадеда, и его отца, что караче самого Бату-хана служил, коня под ним водил.

– А глаза где лишился? – интересуется карача, продолжая улыбаться.

Честно рассказывает казак, про поход, про резню на Пахре, про стрелу, что в бровь ударила. Громко смеются карача Хасан и его нукеры, памятна еще всем та битва. Хорошо поучили татары Касима татар Седи-Ахмедовых.

А как заговорил Ибрагим про мор в юрте, так перестал улыбаться карача, по-другому на босого воина посмотрел.

– Весь род схоронил, говоришь? – задумчиво переспросил Хасан и глянул в небо, где кружил большой черный ворон. – Такова воля Аллаха... Давно это было? На себе отметин чумных не имеешь? Точно? Грудь покажи... Тогда вот что, пойдешь за реку, найдешь улана Иссу. Скажешь, я велел тебя в юрт взять. И пусть тебе сапоги подыщет, не принято в войске Касима без обуви...

Сказал и поехал дальше, а вольный казак Ибрагим лицом в гриву своей лошадки уткнулся, обнял за шею. Взяли его, взяли в новый юрт, приняли в семью. Он теперь караче Хасану – преданный слуга. Пусть что угодно просит от него новый хозяин, скажет жизнь отдать – отдаст не раздумывая.

Взял казак Гривастую за повод, пошел к реке. Нечего мешкать, пора свой новый юрт искать.

1455 год. Хороший юрт

Удачное место под стойбище выбрал улан Исса: у ручья, впадающего в Оку, так что вода всегда свежая, вкусная. И луга вокруг, а под боком – рощица, и в жару укрыться, и дрова для костра. Стойбище пока небольшое, всего три юрты. В одной, из чистой шерсти, семейство улана Иссы проживает, две жены и полдюжины детишек. В двух юртах попроще – его братья, тоже с женами и детьми. Жен пока по одной на каждого. Остальные казаки – холостые, ночуют кто где, на арбе, покрытой кошмой, в шалашах, а то и просто у костра. Благо, что лето наступает...

Выслушал Исса Ибрагима, широко улыбнулся:

– Я знал твоего отца. Славный был воин. Что ж, Аллах в помощь. Спать будешь там, (указал рукой на старую арбу), пасти будешь их (махнул в сторону отары в загоне), есть хочешь – ешь (указал на глиняный очаг с закопченным котлом, расположенные в центре стойбища). Ну и ладно, располагайся, (посмотрел на босые ноги казака) обувку подыщу.

И хотя с утра урчало в животе от голода, Ибрагим сначала снял седло с Гривастой, приготовил под арбой ложе на ночь, ходил на реку, умылся сам и помыл лошадь, вернувшись, привязал ее к коновязи и только потом подошел к очагу.

Вышла из юрты молодая татарка, вторая жена Иссы, улыбнулась, вынесла пресную лепешку, дала глиняную миску. В котле оказалась каша из проса с бараниной. Теплая еще, жирная, вкусная! Ест казак, пальцы жирные облизывает, так бы все и съел, да гордость не позволяет.

– Наелся? – спросил Исса, зевая. – Вот, носи на здоровье!

Ибрагим рассмотрел пару старых, стоптанных сапог. Дырявые, подошва одного почти отвалилась. Не беда, шило и нитки Ибрагим одолжил у других казаков. Сел под арбой и принялся чинить обувку...

Вскоре понял Ибрагим, что ему действительно повезло с юртом. Десятник Исса работой не обременял, он вообще был добряк и любитель поспать. Его братья хвалили Ибрагима за исполнительность и усердие, холостые казаки хоть и подтрунивали над ним (такова доля новичка), но приняли как равного.

Лишь казак Халим постоянно придирился, особенно когда возвращался из кабака в Городце, и дразнил его одноглазым, смеялся над его бедностью и дырявыми сапогами. Однажды и вовсе хотел заставить за себя работу делать – загон от навоза чистить, а когда Ибрагим отказался, толкнул ногой в спину. Пришлось Ибрагиму его поучить: вскочил, свалил наглеца наземь и отхлестал плеткой, хоть Халим был выше на голову. С тех пор Халим перестал задираться.

Ибрагим прилежно пас отару и стадо, мыл и чистил лошадей, стриг овец, чинил загоны, пилил и колол дрова, в общем, занимался привычной для степняка работой. Не считая заготовки дров, конечно: в степи такого богатства нет, там очаг приходилось топить сушеным кизяком. Большое богатство – лес! А Халим бурчал постоянно, что убирать навоз и пилить дрова – работа для сабанчи или рабов, а не для воинов. Но рабов в юрте Иссы не было. Те сабанчи, что служили караче Хасану, пахали землю и сеяли зерно. Жили они в селе с деревянной церковью, и обижать их карача Хасан строго запрещал.

Так шла неделя за неделей, Ибрагим постепенно обжился и стал своим. Иногда к нему прилетал старый знакомый – ворон, и никогда казак не оставлял его без угощения.

Исса стал доверять одноглазому казаку различные поручения и награждать за прилежное исполнение. По приказу Иссы Ибрагим нередко навещался в соседнюю рыбацкую деревню, где жили мещеряки. Возил туда кумыс, соленый творог да баранину, привозил обратно рыбу да

мед. Старший в том роду мещеряк Ухур – заросший седой бородой муж – хорошо знал бортное дело. Секретами с Ибрагимом не делился, но случилось, что брал его с собой в дубраву на высоком берегу, и наблюдательный казак подмечал, как борты с медом в дуплах искать, как костер под деревом правильно развести, чтобы пчелы не покусали, когда у них мед забирают. А еще Ибрагим постепенно выспросил у старого Ухура, как самому борт для пчел в дубовой колоде устроить, чтобы в нем поселились пчелы и мед туда приносили. И как подвесить колоду на ветку, чтобы мыши не поели пчелиного семейства. Хоть и не охотлив был Ухур поговорить, но многое выболтал.

Заглядывался Ибрагим на его старшую дочку, да хитер старик Ухур, говорил, что решил всем родом принять мусульманскую веру, а у мусульман принято платить за невесту калым. Беден Ибрагим, даже сапог путных нет, халат старый весь истрепался, какой из него жених... И хоть постепенно монетку за монеткой стал копить Ибрагим, но понимал, что до сватовства ему еще далеко.

Пять раз в день Ибрагим прилежно совершал намаз. Славил всемогущего Аллаха и просил себе немножко удачи. Короткими летними ночами, лежа под своей арбой, прислушивался Ибрагим к женским голосам и детскому смеху в юрте улана Иссы и завистливо вздыхал. Свой дом, своя семья. Даст ли ему Аллах еще такое счастье?

1455 год. Базар

В то утро Ибрагим молился особо усердно – очень волновался. После громкого вознесения хвалы Аллаху тихонько просил у него помощи, чтобы на базаре не обманул его хитрый торговец, не подсунил гнилой товар. Улан Исса, заспанный и растрепанный, выпив кумыса, посоветовал на базаре держать кошель за поясом и постоянно придерживать рукой. И подальше держаться от местных мишарей, они все – воры.

Ибрагим доехал до брода и перебрался через Оку, держась за конскую гриву. Пусть вымок весь, зато деньгу сберег. По дороге к городу обсох, повеселел, а как подъехал к крепостным воротам, снова оробел от обилия народа, от шума галдящей толпы.

Над воротами Кайсым-града высились две деревянные башни, с одной лениво смотрел дозорный улан в малахае. Поймав на себе его взгляд, Ибрагим как-то съезжился, словно чуя за собой вину. И тут же сам себя одернул: «Ты казак, самому караче Хасану верный слуга, ты здесь равный всем!» Гордо выпрямился в седле, зыркнул на охранника единственным глазом и въехал в распахнутые ворота.

Чем ближе к лавкам, тем гуще толпа. Пришлось спешиться. А товара-то, товара! Ни разу в жизни не был еще Ибрагим в городе на базаре, а потому не видел такого изобилия. Меха! Целый ряд мехов! Торгуют здесь все больше мишари-безбожники, они же мех и добывают: белка, куница, бобр, горностаи, рыжехвостая лиса. Вот бы ему на воротник, а то старый шакал совсем облез. Волчьи шкуры, рысьи и даже одна медвежья с целой головой. Вот торговец-мещеряк напялил на себя медвежью шкуру, широко расставил руки-лапы и грозно зарычал, пугая детишек, те с визгом разбежались. Торговец рассмеялся, все рассмеялись.

Первым делом Ибрагим пошел в платяной ряд, ведь за тем и приехал. Обносился он до предела, старый халат поистрепался, весь в заплатах, на локтях – дыры. Да и сапоги единственные, как говорят урусы, «каши просят», один даже пришлось веревкой подвязывать, чтобы подошва не отвалилась. Но сначала – халат.

Халаты на базаре всех цветов, на любой вкус! Ибрагим аж оробел от изобилия. Есть из хорошей шерстяной ткани в мелкую и крупную полоску, есть и суконные, с набивкой из белого хлопка, что согреет в любой мороз. Есть даже халаты из шелка! Торгует ими перс свирепого вида со шрамом через всю морду. Покупателей у него немного – дорого: опасен и долг путь из Персии, и очень ценен этот шелк. Но перс спокоен, знает, что салтанов двор да карачи подъедут только к полудню, покупать обновки своим женам, вот с ними и стоит торговаться. А эти что? Гольтьба...

Засмотревшись на шелковый, шитый золотыми нитями халат с воротником из чернубурки, Ибрагим наступил в лужу. Нога сразу промокла, в сапоге противно захлюпало. Нет, с халатом все-таки можно подождать, сначала сапоги!

По дороге в сапожный ряд, отдельно, ближе к ширинскому княжескому двору – невольничий рынок. Ибрагим подумал и свернул туда, просто посмотреть. Разочарованно вздохнул, да и остальные ходят – кривятся. Скверный товар – чумазые худосочные подростки, старики и бабы, такие же растрепанные, в звериных шкурах и босые. То мордва – недоимщики ширинского князя. Не смогли ясак заплатить. Князь изловил их в лесах, прямо оттуда на базар и привел, грязных, искусанных мошкаррой. Хотя одна ничего, скуластенькая, на жену-покойницу похожа, только волос светлый. Отмыть бы ее да приодеть. У Ибрагима неожиданно перехватило дух. Нет-нет, не ко времени.

Надсмотрщик над рабами – толстый улан с плетью – лениво препирался с псарем карачи Мангыта:

– Нет товара, откуда ж ему взяться? Будет поход – будет товар.

Ибрагим в последний раз глянул на скуластенькую и поспешил в сторону сапожного ряда. По дороге на сбереженную деньгу купил лепешку с соленым сыром, горячую, прямо из тандыра, маслом политую. Так, жуя, и подошел к сапожному ряду, что напротив конного. Коней здесь, правда, не продавали, лошадьми торговали ногайцы на лугу за стеной, а здесь были седла да упряжь.

Свое седло Ибрагим увидел сразу: настоящее, татарское, гладкой красной кожи, с высокой передней лукой. Вставки у луки из красного дерева с изображениями невиданных зверей – как лошадь, но с двумя горбами на спине. Стремена умно сделаны, хочешь, отпусти на все длину – для спокойной езды, когда и вздремнешь на ходу, а для скорого боя – можно укоротить. И ремешки тонкой работы, хочешь щит пристегни, или суму с пожитками, даже для копья ремешки есть. А уж место для седалища! Гладкое, с правильным изгибом, без шва – одним куском мягкой кожи. Подлинный мастер делал то седло, с великим уважением к седалищу человеческому!

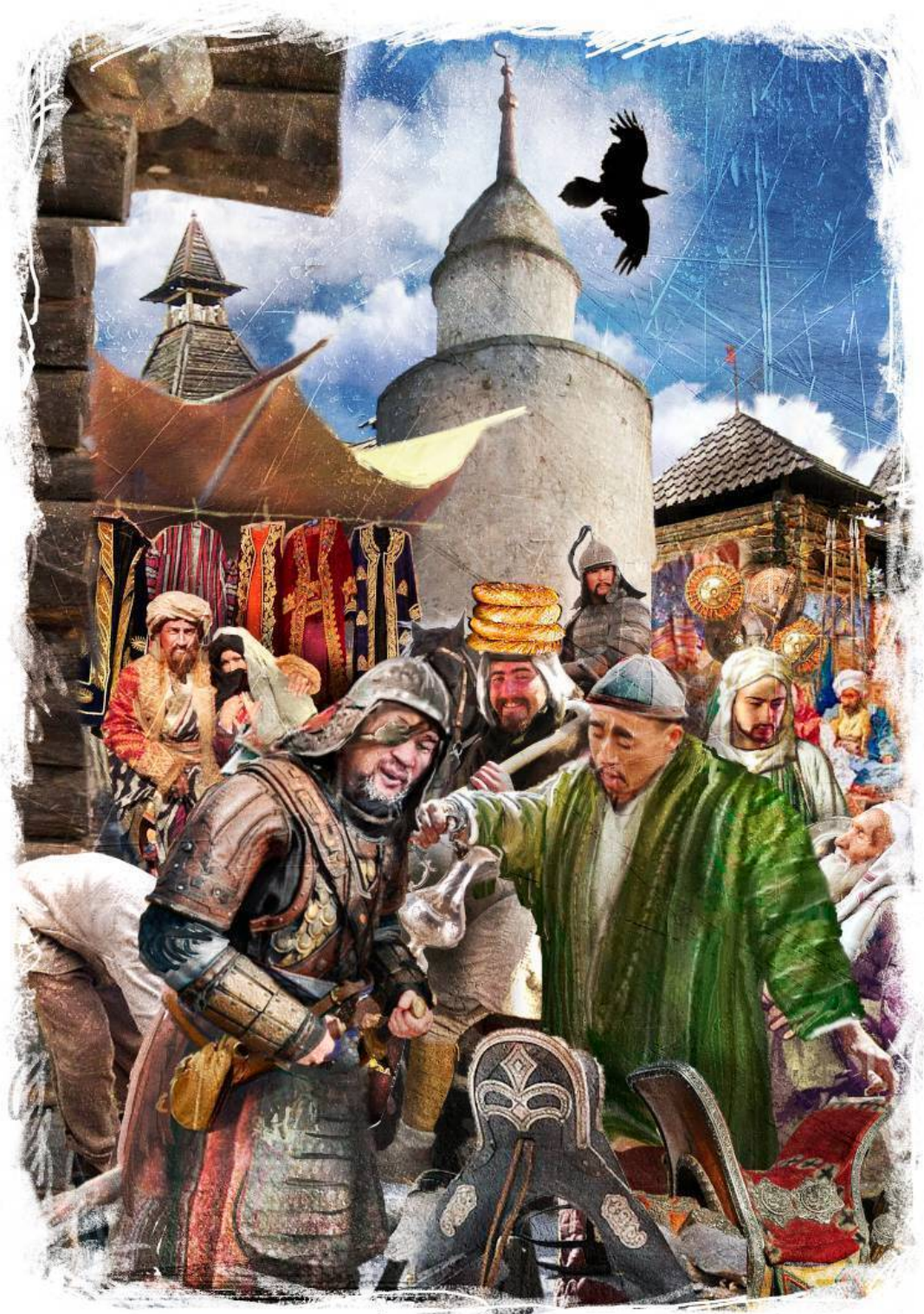
Седло висело над головой торговца с хитрющей слащавой мордой. В жизни Ибрагим к такому торговцу не подошел бы, но это седло... Весь конный ряд изучил Ибрагим, все седла придирчиво посмотрел, пощупал, одно даже на Гривастую свою примерил, а снова сюда возвратился. Вот его седло! Должно быть его!

Торговец, зараза, в этом деле толк знает, речи сладкие говорит, словно медом мажет:

– Тебя, казак, сам Аллах привел к скромному торговцу Мурату! Меня все здесь знают, все мой товар брали, никто никогда не пожаловался. Вижу, что опытный воин сразу лучшее седло увидел, прекрасное седло, достойное верной кобылицы славного казака!..

Снял седло и положил на прилавок, подмигивает, расхваливает. Нет нужды в сладких речах, сам видит Ибрагим, что это за седло, трясущимися руками достает кошель из-за пояса, высыпает серебро на прилавок. Последние деньги, каждую монетку Ибрагим потом соленым заработал. Купец глянул с усмешкой на дырявые сапоги Ибрагима, брезгливо оттопырил нижнюю губу, пересчитал алтыны с тисненым именем Ахмата – хакана всей степной орды и копейки с именем хакана Ивана и всадником с копьём. Качает головой торговец Мурат – мало, указывает на самое простенькое седло внизу прилавка. Ибрагим молча лезет в седельную суму и достает серебряный кувшинчик тонкой работы. Хорош кувшинчик, его Ибрагим добыл на Пахре, когда обоз русской княгини грабил. Великолепной работы сосуд, из самого Хива-града! А Ибрагим как-то нечаянно сел на него – помял. Как они с женой тогда смеялись. Потом выправить мятый бок пытался – не получилось.

Торговец взял кувшинчик, взвесил на руке, достал весы с двумя медными чашками и гирьками, взвесил на них. Снова покачал головой, указал на седло получше, лукаво прищурился. Почувал, что не уйдет этот покупатель просто так.

Вздыхнул Ибрагим, полез за пазуху. Главную драгоценность на прилавок положил – золотую монету с профилем греческого деспота. Ту монету он с шеи своего отца снял перед тем, как похоронить. А отец ее от деда получил, дед много о Царев-граде рассказывал, оттуда и привез.

Жадно сверкнули глаза торговца Мурата. Золото! Золотой денарий! Схватил монету, на зуб попробовал, на весах взвесил. Заулыбался, кивнул. Так и быть, забирай седло!

Ибрагим деловито сгрел серебро с прилавка обратно в кошню, потянулся было за кувшином, но Мурат не отдал. Аллахом клянется, что седло дороже стоит, чем одна золотая монета. Врет, конечно, ну и шайтан с ним. Ибрагим молча взгромоздил покупку на спину Гривастой, взял за повод и пошел в сторону ворот. Перед городецкой мечетью остановился, опустился на колени, поклонился. Прошептал молитву. Встал, отряхнул колени и пошел в калашный ряд к урусам, покупать муку. Одним седлом сыт не будешь.

Тем же вечером Ибрагим добыл и халат, и сапоги. У кабатчика, что старьем потихоньку торгует, на старое седло сменял. Халат был хорош, чистой шерсти в мелкую полоску, только спереди весь в заскорузлой крови и дыра большая на животе. То не беда, кровь застирать можно, а дыру зашить и поясом прикрыть. Купленные сапоги Ибрагиму были сильно велики, ну и что с того? В носки можно сена засунуть, зато крепкие и без дыр.

1456 год. Речные разбойники

Время летело стремительно, за летом промелькнула осень, и словно куда-то торопясь, пришла ранняя зима. Она выдалась почти без заморозков, но с обильными снегопадами. Татары потянулись с луговых станов в села и деревни на зимовку, погнали скотину в стойла. Вот и улан Исса велел собирать стадо и сворачивать юрты. Давно пора, а то, признаться, холодно было уже ночевать под арбой, зяб Ибрагим, особенно под утро.

Помимо дома у карачи Хасана Уссейнова был в селе большой сарай, деревянный, крытый соломой, с двумя очагами. Там холостые казаки ночевали на грубо сколоченных нарах. Забот у Ибрагима в селе было немного: поутру задать корм лошадям да почистить стойла. Днем ездили за дровами в ближайшую рощу и за водой на родник. Иногда за сеном на луга, там еще много осталось в копнах.

Самой неприятной работой было чистить овины, и когда приходила очередь Ибрагима, у него с утра портилось настроение. А когда работы не было, казаки ходили на охоту, рыбачили, вечерами каждый развлекался, как умел. Ибрагим пробовал шить седла со старых шкур по образу купленного на базаре, получалось не очень.

Раз в неделю улан Исса собирал казаков на своем дворе. Он с братьями жил на окраине – в своих юртах. Приезжали верхом, при оружии. Исса придирчиво осматривал казацкие саадаки, проверял наличие стрел в колчанах, вот и весь смотр. «Будет ли поход?» – с надеждой спрашивали казаки. Исса отвечал уклончиво, мол, скажет Касим идти в поход, пойдут, а пока ждите...

Одним морозным утром Ибрагим с Халимом отправились на Оку. От морозов родник промерз, так что воду теперь брали на реке. Нетрудная работа: приехать, вырубить польню да наполнить две большие бочки на санях и еще льда накидать в запас. Халим привычно бурчал, что такая работа для сабанчи, а не для воина, Ибрагим не обращал на него внимания. Когда собрались возвращаться в село, Ибрагим заметил на реке что-то странное. Не разберешь, зверь или человек. Если человек, зачем ползет?

Позвал Халима, подошли, посмотрели.

Человек! Только замерз едва ли не до смерти и побит шишко. Одет, как правоверный, но не казак. Босой, без шапки, голова обмотана оторванной поллой зипуна. И бормочет что-то словно в бреду. Пригляделся Ибрагим, лицо-то знакомое, хоть и в запекшейся крови вымазано. Э, да это Мурат, тот самый торговец, что ему седло продал. Вот так встреча!

Долго не думали, решили с собой купчину взять, не замерзать же правоверному. В селе у очага отогрелся купец Мурат. И сразу начал плакать:

– Вез в Городец товары к базарному дню, а вчера вечером напали на обоз разбойники. В черных шапках все, злые, свистят. Прямо с высокого берега и навалились, людей побили, товар с санями и лошадьми забрали. Меня дубиной сильно ударили, упал, мертвым притворился. Хорошо, что не добились, но шапку взяли и сапоги стянули.

Послали за Иссой, приехал десятник, послушал бедолагу и велел казакам собираться. Купчину наскоро одели и обули, взяли с собой.

Следы обоза нашлись быстро, благо ночью и утром не снежило, так по ним и до деревни добрались. Недалеко от берега мещерская деревушка в десяток землянок. Все ясно улану Иссе – местные шалят, за разбой взялись. За что их надо примерно наказать.

Торопиться не стали, Исса послал двух разведчиков посмотреть, нет ли засады. Казаки вернулись быстро, доложили:

– Вроде тихо, в деревне только бабы да дети, мужей не видно. Есть свежий след от саней, ведет в чашу. Значит, поехали прятать награбленное.

Кивнул Исса, велел дозорным показывать дорогу.

Не осторожничают разбойники, даже охрану не выставили. Грузят кули да мешки с саней в амбар, стоящий на столбах посреди большой поляны. Подивился Ибрагим: мудро придумано, в такой амбар ни зверь крупный не заберется, ни мышшь мелкая. И талые воды не подмочат.

Разом налетели татары, мешеряки даже не успели за копыа схватиться. Визжат только, разбегаются по сторонам да валятся один за другим под ударами татарских сабель. Вожак только и попытался сопротивляться, вскочил на сани и давай дубиной размахивать. Хотел Халим его из лука поразить, да Исса остановил, велел достать арканы. Свистнули веревки с петлями, повалился в снег вожак, от злобы зубами скрежешет.

Слез купчина с коня, подбежал к саням, начал щупать мешки да кули. Потом в амбар поднялся, там смотреть стал. Высунулся из дверной щели, улыбается, едва не плача: весь товар тут, целый. Не успели разбойники растащить.

Исса кивнул своим бойцам:

– Добро, теперь займемся деревней.

Мешерскую деревню окружили по всем загонным правилам. Перекрыли дорогу, на тропках встали парами. Никто не ушел! Собрали баб да стариков у деревянного идола со страшной мордой. По землянкам порыскали, по амбарам, только брать там нечего, разве что меда немного нашли да шкурки куньи.

Исса придирчиво рассмотрел мешеряков, выбрал девок помоложе, да баб покрепче. Велел их крепко вязать. И уцелевших мужиков тоже забрали. Притихли мужики, смотрят испуганно. Купец Мурат к одному подскочил и давай его плеткой охаживать – узнал на нем свою шапку и сапоги. Смеются татары, по делу разбойнику наказание.

Дал команду Исса, обоз двинулся в обратную дорогу. Пленные теперь станут сабанчи, дрова будут пилить и навоз вычищать. А самых строптивых на базаре в Городце продадут. Крепкие невольники нынче в большой цене!

Вечером собрались у Иссы в юрте. Улыбается улан Исса, доволен. Щедро расплатился купец Мурат, половину всего товара татарам отдал. Сам купец с кислым лицом у очага сидит, жалко товара. Но половина лучше, чем совсем ничего. Исса велел позвать в юрту Ибрагима и Халима, говорит:

– Поступи по совести, купец! Отблагодари своих спасителей отдельно. Этот тебя нашел, а вместе они тебя не бросили.

Благодарный и многоречивый Мурат подарил Ибрагиму большой кусок шерстяной ткани. Но улан Исса смотрит выжидающе, смеется:

– Ай, недорого ценишь свою жизнь, купец. Всего-то в отрез материи?

Мнется купец, но вот в глаза Ибрагиму глянул. А ведь действительно, жизнью своей он ему обязан. Не нашел бы его Ибрагим на реке, совсем замерз бы. Так и сдох бы без упокоения, и не видать ему в загробном мире райских садов. Полез Мурат за пазуху, долго там рылся и, наконец, вытащил монету с ликом римского деспота. Ту самую.

Счастлив Ибрагим, вернулся к нему отцовский подарок. Аллах справедлив! Мысленно поклялся Ибрагим, что больше не расстанется с этой монетой.

Только Халил не рад: вроде бы, вместе купчину спасли, а ему только шерстяной отрез достался, и тот меньше, чем Ибрагиму! Какой же ты везучий, шайтан одноглазый!

Глава 3. Союзные татары

Пришло время рассказать о главном – о войске царевича Касима. Что было за войско? В чем была его сила? Почему русские князья так охотно брали на службу родовитых татар?

Здесь нам не обойтись без подробного описания монгольского войска времен Чингисхана и Батыя, ведь по его образу и подобию создавалось и татарское, в том числе и касимовское. И правда, зачем придумывать новое, когда и старое надежно работает?

Предтечи татар

Общая черта у всех монголов – они воины! Так их воспитывали с детства, по законам степи. Все монголы – всадники, отлично экипированные и защищенные доспехами, в поход отправлялись, имея двух запасных лошадей.

Военному искусству монгол учился с детства. У монголов говорят, что их сыновья сначала садились на коня, а только потом учатся ходить. Каждый подросток отлично владел копьем, саблей, арканом, луком. Монгольский лук – произведение военного искусства. Это не просто деревянный сук с натянутой веревкой, это сложная комбинация из особых пород дерева, рога и воловых жил. Изготовление и сушка лука в особых условиях занимали порой несколько месяцев, зато полученное оружие имело огромную пробивную силу и позволяло выпускать с седла более двадцати стрел в минуту на большое расстояние. Помножьте это число на 10000 (состав одного монгольского тумена), и вы поймете, какой смертоносный град обрушивался на врага монголов еще перед началом основной битвы.

Кроме того, серьезным преимуществом в бою было укороченное стремя, позволявшее воину привставать и усиливать сабельный удар, вкладывая в него вес тела.

Не забудем и о личных качествах каждого воина. В бою они – бесстрашны, и даже окруженные врагами сражаются до последнего: *«...сломается сабля – грызут зубами»*. Русские воины того времени получили от современников менее лестную оценку: *«Дерутся храбро, но если уж побегут – не остановишь»*.

Устройство монгольской армии до сих пор поражает. Разделенная на десятки, сотни, тысячи и «тмы» – тумены, она была удивительно мобильна. В ней царила жесточайшая дисциплина, при которой за трусость одного воина, проявленную в бою, казнили весь десяток. В то же время, безрассудство решительно пресекалось. Монголам запрещалось вступать в бой без предварительной разведки, а при трехкратном численном превосходстве противника предписывалось организованно отступить. За нарушение устава монгольского войска, утвержденного лично Чингисханом, всех нарушителей, невзирая на должность и происхождение, ждало одно наказание – смерть.

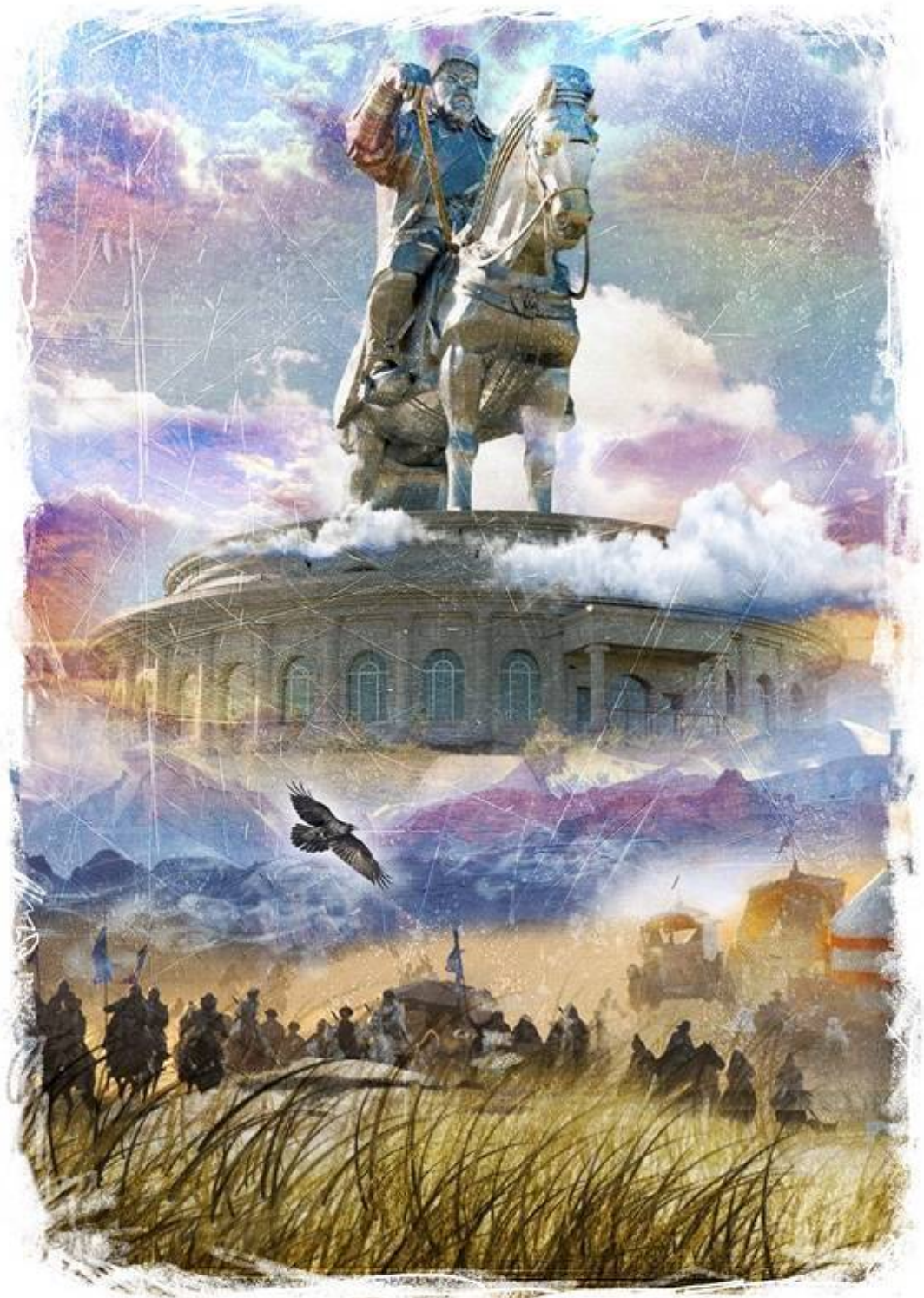
В тактике боя монгольские военачальники всегда были большими хитрецами, они активно применяли ложное отступление и заманивание противника в ловушку с последующим окружением и добиванием.

Не имея равных в открытых полевых сражениях, они без проблем брали крепостные стены осажденных городов. И здесь «дикие» монголы показали себя ярыми поклонниками научно-технического прогресса. При осаде монгольское войско применяло самые разные виды таранов и камнеметных машин, забрасывая города булыжниками и тюками горящей соломы, пропитанной нефтью. Да, конечно, все это изобрели и изготовили китайцы, они же и обслуживали мудреные механизмы. Но монголы охотно использовали в своих целях достижения побежденных народов.

Есть предположение, что с указанными в русских летописях «пороками», которыми обстреливались и поджигались русские города (подобие европейских требушетов), по русским городам применялись «ракетные установки» типа наших «Катюш». Китайцы набивали бамбуковые стволы порохом и запускали их со специальных рам в сторону осажденных. Стенам такие ракеты почти не вредили, но пожар в городах устраивали гарантированно. И, безусловно, неведомое оружие сильно действовало на психику обороняющихся.

Лазить на стены монголы не любили, они посылали на штурм воинов из завоеванных стран и племен. При этом применяли еще одно страшное военное изобретение – «хашар». Перед штурмом они собирали пленных и население из округи и гнали эту толпу на крепость

забрасывать рвы хворостом и ставить лестницы к стенам. Осажденным приходилось выбирать: расстреливать соплеменников и даже родню из луков или погибать самим.

И лишь когда в стенах образовывался пролом, или открывались под ударами таранов городские ворота, монгольская рать врвалась на улицы, вырезая всех подряд, не жалея ни малого, ни старого. По сегодняшним меркам, военное преступление, но у монголов это было

в порядке вещей. Главное – выполнить поставленную великим ханом задачу. Любыми способами.

Самое удивительное, что сам Чингисхан всегда мечтал о... вечном мире. Он считал, что когда его победоносная армия дойдет до «Последнего моря», и все подчинится его воле, наступит «Золотой век» процветания и благоденствия. Войны прекратятся, люди будут жить по единым законам справедливости и гармонии. И надо признать, многое у него получилось. По крайней мере, в завоеванных землях установился такой порядок, что «...некая знатная дама в богатых украшениях и без охраны доехала из Багдада в Пекин, имея всегда днем пищу, а ночью – кров». И никто ее, заметьте, не ограбил.

Чем обеспечивался такой удивительный для средневековья порядок на огромной территории? Четко отлаженной бюрократической системой, которую создали под монголов покоренные китайцы. Монголы воевали и завоевывали. Китайцы все описывали и учитывали, встраивали в общую систему империи завоеванное, обращая его в стабильный доход.

Было бы ошибкой считать монголов кровожадными дикарями. Китайская летопись «Сведения о черных татарах» (Хэй-да ши-люэ) 1237 года рассказывает: *«Государство черных татар называется Монгу. Их первый правитель зовется Тимучэжин, в титуле императора носит имя Чингисхан. В их школах преподают уйгурскую письменность и ее переводы на другие языки».*

Монголы учились сами и брали лучшее у покоренных народов. Например, созданная по китайскому образцу система ям – почтовых станций – позволяла доставить донесение из ставки хакана в монгольской степи «в страну Угорщину» – Венгрию всего за две недели. «Дикая орда» Чингисхана была куда мощнее «просвещенной Европы» и в экономическом плане. Один «шелковый путь» многого стоил!

Империю Чингисхана постигла судьба подобных – разделение после смерти основателя на отдельные государства, борьба между наследниками за верховную власть, гражданские войны. Великая империя Чингисхана просуществовала недолго, но и разделившись на несколько улусов – орд, чингизиды продолжали править большей частью известного тогда мира, а монголы еще долго считались лучшими воинами.

От войска монгольского к татарскому войску

Но ведь два века прошло! Неужели ничего в войске не изменилось? Изменилось, и весьма существенно, прежде всего – этнически.

Степное войско теперь редко кто называл монголами, куда чаще – татарами. Слово это китайское, означающее собственно... всех некитайцев. Как римляне называли чужаков варварами, якобы они говорят «вар, вар, вар», так и китайцы считали, что соседние с ними народы говорят непонятное «тар, тар, тар» – тараторят. Отсюда и татары, а «тараторили» на разных языках и наречиях десятки, сотни разных племен и народов, проживающих в степях, лесах и горах огромной монголо-китайской империи. Правда, самих монголов китайцы из общей массы «тартаров» по-прежнему выделяли. Может быть потому, что монголы их крепко били, завоевали и заставили служить?

Но то монголы, а что татары? Было ли отличие татарского войска от монгольского? Отличие было, и прежде всего – в утрате принципа единоначалия. Если в бою татары оставались такими же бесстрашными, то принцип обязательного общего единоначалия был утерян. Татарский князь мог начать битву на стороне одного хана, а в финале сражаться уже за другого чингизида. В итоге военная элита монголов сильно поредела в ходе гражданских войн. Особенно это коснулось Большой Орды, где кроме войн удар по военной элите нанес религиозный вопрос. В первой половине XIV века Хан Узбек, убежденный мусульманин, решил привести к исламу всю Орду. Знатные татары, до того абсолютно терпимые в вопросах веры, его не поняли: «Довольно того, что служим тебе, какое тебе дело до того, во что мы верим?» Этот довод хана не переубедил, в ходе «полемики» были казнены тысячи представителей ордынской знати, не желавших принимать ислам с обязательным обрезанием, в том числе и кровные чингизиды!

Злую шутку сыграла и излишняя уверенность татар в своем военном превосходстве. После разрыва отношений с монгольским улусом прекратился доступ к передовым китайским технологиям, военная наука практически не развивалась. Татарское войско оставалось прежним, как в вооружении, так и в тактике: обстрел врага из луков, решительный натиск, быстрый маневр, окружение и добивание стрелами и саблями.

А времена меж тем менялись, прежде непобедимая татарская конница получила серьезного противника в виде отрядов арбалетчиков и пикинеров, а также рыцарей в тяжелом доспехе – панцире, который не могли пробить стрелы. Все чаще на полях сражений гремели орудийные и мушкетные залпы. А татары оставались верными кольчуге и луку, наличие «огневого боя» у крымских татар, вторгшихся на Русь и атаковавших Касимов, отмечено только в 1515 году. И то, это были оружейные поставки из Турции.

Был развеян и миф о непобедимости ордынского войска. Теперь при атаках татарской конницы противостоящие ей полководцы применяли все более сложные системы войсковых построений, активно используя рельеф местности, частоколы, ямы и прочие ловушки. Отдельные татарские князья нередко возвращались из набегов на Русь битыми, но против большого войска Орды русские устоять не могли. И только Дмитрий Донской на берегах Вожи (1378) и Дона (1380) доказал, что и объединенные русские могут бить Орду.

Но все-таки память о Батыевом нашествии и двух веках постоянной степной угрозы крепко вросла в память русского народа. Татар боялись все, от великих князей до последнего крестьянина, этот страх впитывался с молоком матери. Укачивая дитя в люльке, мамаша грозилась: «Вот будешь плакать, придет злой татарин и заберет». И ведь точно, мог прийти и забрать, ищи потом ту мамашу на невольничьем рынке в Казани, Сарае или крымской Кафе.

Татары веками оставались для русских самым страшным противником. И как с ним бороться?

Ответ оказался неожиданно прост: для войны против татар надо привлечь других татар.

От наемников до союзников

Татары на службе у русских князей появились давно. Можно сказать, с тех пор, как у тех снова завелись деньги. Едва оправившись от Батыева нашествия, русские князья снова стали воевать меж собой. Некоторые сразу сообразили, что в борьбе с соседом легче нанять татар, нежели собирать и постоянно содержать большое войско. Наемники чуть дороже, зато результат стопроцентный: никто не мог устоять против татар.

Первыми татар стали нанимать рязанские князья, но особо отметился в этом деле московский князь Иван Калита (прозвище связано с кошельком, полным денег). Получив ярлык на правление, он стал регулярно собирать для Орды дань со всей Руси, кое-что оставалось у него в суме. На сэкономленное он тех же татар и нанимал, с их помощью существенно укрепил и расширил московское княжество. А татары, получив от Калиты оговоренную награду, пополняли ее награбленным по дороге и уходили домой, в степь.

Но и степь стала не та, в ней уже не было прежней вольницы. Считается, что первый большой приток служивых татар на Русь начался как раз при хане Узбеке (правил с 1313 по 1334 гг.), насильно заставлявшего всех татар принять мусульманскую веру. Не желая принимать ислам, многие беки и мурзы уходили к русским, где их охотно принимали в состав правящей элиты, жаловали селами и даже городами. А если родовитый перебежчик еще и крестился, он смело мог рассчитывать на руку боярской дочери, и боярин такому зятю был очень рад, ведь «окрестишь басурманина – спасешь душу его, и тебе за то грехи спишутся в двойной мере». Эти татары были уже не наемники, а скорее – насельники. Татары, союзные великим князьям.

Забегая вперед, отметим: союзные татары весомо участвовали в семидесяти процентах побед русского войска. Часто это участие имело ключевое, решающее значение. Если учитывать этот фактор, то нужно признать, что без беспрецедентного союзничества русских и татар история России сложилась бы иначе.

А пока вернемся к Большой Орде. В 1357 году после смерти «добротого хана» Джанибека в Большой Орде началась «великая замятня». С тех пор в борьбе за престол чингизиды с воодушевлением резали друг друга на поле брани и в дворцовых спальнях. Редко кто сидел на троне более года. Именно в этой «мутной воде» и проявился талант темника Мамай, посадившего на трон Орды не менее трех ханов. Но и Мамай был разбит сначала Дмитрием, а потом сумевшим вновь объединить Орду Тохтамышем.

Личность этого без сомнения одаренного правителя наши историки оценивают по-разному. С одной стороны, Тохтамыш навел порядок в Орде, провел экономические реформы, дружил с Дмитрием Донским. С другой, взял хитростью да сжег Москву, увел огромный полон, заставил платить немалую дань. Но после того как сам Тохтамыш был разбит Тамерланом и погиб, сыновья его... жили в Москве, при дворе великого князя. Позже трое из них были ханами Большой Орды, и потомком одного из них стал уже знакомый нам Улу-Мухаммед.

Окская граница

Новый город Ханкерман на Оке при Касиме стал столицей нового государства. И одновременно щитом, прикрывающим окские броды и переправы, прямую дорогу из ордынской степи и Казани на Русь.

Ока – река полноводная и широкая с быстрым течением. Но встречаются в ней и «узкие места», а также броды. Именно исходя из необходимости защиты этих узких мест и создавался «Окский рубеж» или «Большая узда» – система пограничных укреплений вдоль Оки и Угры.

Ко времени начала правления Ивана III рубеж выглядел следующим образом: *«В Коломне крепость, в ней полк. От Коломны до Каширы – конные дозоры великого князя, в Кашире – полк. От Каширы до Серпухова – конные дозоры, в Серпухове – воевода с заставой, от Серпухова до Тарусы – конные полки князя Юрия (брата вел. князя), и дозоры до Алексина. Далее дозоры конные до Белоомута, далее рязанские дозоры до Усть-Пары, в Рязани полк».*

Конные дозоры постоянно курсировали вдоль окского берега, готовые в любую минуту сообщить об опасности. Если дозор замечал, что степняки начали переправу, самые быстрые всадники немедленно мчались в город к воеводе, тот посылал к указанному броду крупные силы. Не дашь ордынцам переправиться – предотвратишь набег.

Самыми уязвимыми местами в этом рубеже были город Алексин, расположенный на правом, степном берегу, как и Рязань, а также практически незащищенная Мещера. Какой смысл охранять броды под Коломной, если степняки спокойно переправлялись через Оку в Мещере и шли на Москву по рязанским землям?

С появлением в Мещере войска Касима эта брешь закрывалась: касимовские татары охраняли окские переправы от границ рязанских земель и до муромских пределов. В случае большого набега Касим объединял полки с рязанским воеводой. Со временем большинство приокских городов «Большой узды» были отданы в удел именно союзным татарам – царевичам и князьям из разных юртов. Таким образом, великий князь московский получал сразу и разящее копьё, и щит. О копьё – ударе татарской конницы уже было сказано. Но с появлением нового татарского города Русь получала еще и крепкий щит в беззащитной прежде Мещере. Как показала история, этот щит был действительно почти непробиваемым. При набегах и степняки, и казанцы, а позже и крымские татары обходили касимовские пределы стороной. Иначе им пришлось бы столкнуться с касимовским войском – профессиональными военными, можно сказать, гвардией великого князя.

Гвардия великого князя

По сути Ханкерман на протяжении двух веков – военный город и государство, населенное умелыми бойцами. По первому приказу они готовы выступить в поход. Всякий знает свое место в строю, у каждого всегда готов припас для похода, сменные лошади. Доспехи начищены, оружие наточено. Салтан часто устраивает «смотри», оценивая состояние и боеспособность войска, проводит учения.

Теперь о социальном составе. Салтан всегда окружен телохранителями, составляющими его двор. Они живут во дворце и беззаветно верны салтану. Попутно они выполняют придворные должности – псарей, сокольничих, конюхов и т. д. Приближенные к салтану лица – мурзы и князья с уланами и нукерами. Они получают за службу жалование, имеют свою долю в военной добыче.

Визири или карачи составляют личный каучин салтана.

Карача (карачай, бей) – глава уважаемого рода, который подчинялся только хану или салтану. Свою верность карачи доказали в боях ратными подвигами. Карача владел большой усадьбой в городе, но бывал там редко. В основном, жил своим уделом в окрестностях, где у него села, табуны, стада. Там он – царь и бог. Он богат, его сабля из дамасской стали в богатых ножнах, его латы – пластинчатый доспех или кираса, под ним – лучшие кони.

В походе карачу сопровождали мурзы и беки – знатные воины, его ближайшее окружение. Они тоже имели свои уделы, но поменьше и поскромнее. И доспехи у них были попроще.

Особым сословием были уланы – профессиональные воины, охранники, придворная стража салтана. Уланы набирались, в основном, из десятников, показавших себя в боях.

Позже по образу и подобию уланских татарских отрядов формировались уланские эскадроны лучших армий мира. Это – легкая кавалерия, быстрая и маневренная.

И, наконец, казаки, которые нанимались служить к мурзам (князьям). Их имущество мог составлять один дырявый халат (до первого набега), лук и сабля. И обязательно конь. Татарин скорее расстался бы с халатом, чем с конем. Благосостояние казака напрямую зависело от военной добычи.

Доля казачья

Слово казак (козак) в разных тюркских наречиях переводится по-разному. От совсем уничижительного «бездомный, безродный» до гордого – «свободный». По Соловьеву, первое упоминание о казаках на Руси встречается в летописи «Повесть о Мустафе царевиче», том самом сыне Улу-Мухаммеда, что погиб под Рязанью в декабре 1444 года. В повести упоминаются «мордва на лыжах и казаки рязанские», которые пришли на помощь москвичам против татарского царевича Мустафы. Откуда у рязанцев казаки? Еще в XIV веке при князе Олеге Рязанском упоминается служивший ему татарский князь Салахамир. Тот принял христианство, женился на дочери Олега, от Салахамира и пошли рязанские служивые татары и казаки.

Как казаки попадали в Касимов? Разными путями.

Могли прийти юртом (целым родом).

Услышали, что на реке Оке сел своим царством новый салтан – потомок Чингисхана. Что богат и удачлив в боях. Что набирает себе войско и щедро платит. И землей жалует – заливыми лугами. У него даже город есть с надежными стенами и мечетью! Почему не служить такому салтану?

Глава юрта долго обдумывал услышанное о Касимове, потом собирал родню и выносил вопрос на обсуждение. В случае достижения согласия юрт сгонял стадо, грузил пожитки на арбы и двигался на Оку к бродам. По прибытии глава рода представлялся салтану, подробно перечислял своих предков, расхваливал достоинства своих воинов. Как правило, никому не отказывали, салтан принимал от вновь прибывших клятву верности и давал удел, где можно было поставить юрты и пасти скот. Это аванс, новый князь с воинами должен был отработать преданной службой, доказать отвагу в боях.

Приходили наниматься на службу к Касиму и его мурзам и совсем одинокие казаки.

Татарский казак мог остаться одиноким от мора или степного пожара, от войн и усобиц, от засухи и падежа скота. Причиной одиночества могли послужить размолвки в семье: казак поссорился с отцом, когда тот не дал скота для калыма за невесту, или поругался с братьями после дележа отцовского наследства, вот и выгнали из юрта после драки. Одному в степи выжить трудно, почти невозможно. Выход – наняться на службу к князю или беку и добыть славу с богатством верностью и острой саблей.

Вовсе не обязательно случаться большой беде, чтобы казак ушел из родного юрта на службу «большому князю»: просто отправился на поиски лучшей жизни, приключений и добычи. А потому простой казак всегда готов к походу, ждет его, ведь где война, там и добыча...

Казак мог стать любой, невзирая на национальность, достаточно знать язык и верить в Аллаха. И, конечно, всегда быть готовым к войне. Иными словами, казаками становились люди пассионарные.

В скором времени на русских окраинах (украинах) в верховьях Дона стали появляться казаки иной веры – христианской. И тоже никакого деления по национальному признаку, будь ты славянин или мордвин, крещеный башкир или чуваш, татарин или литвин, достаточно было выйти в центр казачьего круга, ударить шапкой оземь и сказать: «Верую в Господа нашего Иисуса Христа, хочу быть казаком вольным». И если круг кричал «Любо!», новый казак обретал новую дружную семью и получал свое место в казачьем круге за общим котлом. На первое время пропитание и кров ему были обеспечены, а там как себя покажет.

Мы упоминали выше, что постепенно многие союзные татары крестились и фактически становились русскими, ведь русский – в первую очередь православный. Но этот процесс «обрусения» растянулся на столетия.

Были ли различия между татарскими и русскими казаками помимо веры? Да, были.

У татар важным фактором оставались родственные отношения, причастность к роду или тейпу. Элитой были княжеские роды, командиром войска мог стать только родовитый татарин. А сверхэлитой были чингизиды.

Русское казачье войско (донские казаки и Запорожская сечь, которые, по некоторым данным, происходят от черкесов), как и яицкие (уральские) казаки, напрочь отвергало сословное деление. Если татарский казак всегда был свободен и сам выбирал себе хозяина, то русские и мордва бежали на Дон или на Урал от крепостной зависимости, и нового ярма на шею не хотели. Атаманом мог стать любой, проявивший смелость и отвагу, а также организаторские способности. Ведь без организации любое войско – толпа.

В военном плане русские казаки переняли приемы и тактику боя татарского войска – быстроту, маневренность, умение запутывать врага, заманивать его в ловушки. И безмерную отвагу. Проявить трусость – опозориться навеки! Правда, русские казаки больше внимания уделяли огневому бою.

Бежав от неволи на русские окраины, православные казаки не теряли связей с Родиной и верно служили русскому царю. Охраняли рубежи государства, сражались с его врагами. Царя любили. Бояр – нет. Так уж на Руси заведено, царь у нас хороший, добрый, справедливый, это бояре – супостаты! За службу царь награждал казаков жалованием: «свинцом, порохом, вином, денежной казною».

Та же система материального стимулирования была и в Касимовском царстве, но с четкой субординацией по родовому принципу. Попасть в салтанов двор мог только высокородный татарин. Карачи предпочитали брать на службу своих соплеменников из определенных родов. И чем отважней карача, тем больше шансов на хорошую добычу в случае войны имели его казаки.

Старый посад

Видимо, название Старый посад появилось после основания Касимом нового города Ханкермана. Жили в посаде, то есть за стенами старого Городца те, кому в самом городе места не досталось, – мишари и татары без определенной принадлежности к какому-либо юрту, а также мещера и эрзяне, сохранившие племенной уклад. Эрзяне и мещера были важной составляющей экономического развития ханства, так как основным продуктом, ценным на всех рынках того времени, оставалась пушнина: куница, белка, лиса. меховой воротник составлял обязательную часть одежды каждого уважающего себя татарина, а лисьи шапки, укрепленные поверх шлема, – неперенный атрибут отборного монгольского войска. Соболь и чернобурка были и вовсе элитными товарами, доступными лишь состоятельным правящим классам.

В Старом посаде торговали большей частью недорогим товаром для небогатых татар, а попросту – старьем. К вещам тогда относились трепетно, даже тряпье не попадало на помойку, а шло на набивку тюфяков или стеганых халатов из роги.

За Старым посадом располагалось татарское кладбище. Для мусульман крайне важны семейные, родовые захоронения. Если хоронят в этой земле, то земля уже не чужая.

Степняки в городах приживались плохо. Не привыкшие к тесноте, склонные к кочевому образу жизни, они проживали большей частью в заокских юртах – стойбищах на заливных лугах. Зимой перебирались в город или села.

Села тоже различались по родовому принципу, в «элитных» – белых проживала ак каймак (знать), в тех, что проще – черных (кара зийбуннар) жили небогатые и неродовитые казаки, а также пленные, захваченные в войнах. Отдельно селились сабанчи – данники и полонники. Однако никаких цепей и колодок, как у рабов. Они просто возделывали землю, выполняли хозяйственные работы. Единственным ограничением их свободы было запрещение выезжать куда-либо без разрешения хозяина.

Сабанчи – православные рабы, земледельцы, взятые в плен или купленные оптом на базаре. При Касиме их статус мало отличался от существовавшего в Орде. Бесправные холопы, полностью зависевшие от своего хозяина. Но уже во времена княжения Ивана III положение сабанчи значительно смягчилось. Как мы упоминали выше, союзным татарам запрещалось брать в плен и продавать православных, насильно обращать их в ислам. По сути, они становись крепостными крестьянами на салтановых землях или в уделах его карачей.

Первая казанская попытка

Последние годы правления салтана Касима в русских хрониках отражены скупо – не было крупных войн, но все же есть указания на совместные походы Касима и Ивана Васильевича – будущего великого князя Ивана III. Объединитель Руси, став соправителем еще при отце, в полной мере осознавал важность татарского ханства на русской окраине. Особенно в вопросах, нацеленных на обретение независимости Руси от Орды.

Касимовское царство использовалось и как довод в дипломатии. Русские послы не раз говорили турецкому султану, дескать, какая может быть у русских вражда с правоверными, когда совсем рядом от Москвы – действующая мусульманская мечеть? Этот довод признавался весомым, тем более, Касимовское царство действительно было самостоятельным государством.

Назвать точную численность касимовского войска времен основания царства невозможно. Касим имел свою постоянную уланскую сотню, его карачи могли быстро собрать в поход порядка четырехсот воинов, проживающих в ближайшей округе. Столько же, видимо, выставляли ширины. Объединенное войско выросло до полуторатысячного полка после присоединения к нему мурз, беков, улан и казаков из Кадома, Темникова, Елатымы и прочих окрестных юртов.

Неизвестно, какие отношения сложились у Касима с братом Махмудом, правившим в Казани. Учитывая обстоятельства – вряд ли теплые, но и набегов казанцев на Русь в то время почти не было. Более того, хроники сообщают, что в 1465 году, когда первый казанский хан Махмуд скончался, Касим женился на вдове брата. Практика для чингизидов обычная: после смерти мужа вдова выходит замуж за следующего по старшинству брата и с детьми остается в семье. В нашем случае это прямая заявка на казанский престол! Касим становится единственным оставшимся в живых сыном Улу-Мухаммеда, старшим мужчиной рода.

Как следствие, в 1467 году часть казанской знати во главе с князем Абдул-Мамоном из ширинского рода, недовольная правлением нового хана Ибрагима, пригласила на правление Касима как старшего мужчину царского рода, к тому же женатого на царице.

Думаем, вовсе не случайно именно этим годом современные татары датируют строительство каменной мечети в Касимове. Не царевич, но уже законный хан строит подобающую его статусу мечеть. Но...

«Князи казанские завраждовали между собою, и хана Ибрагима некие не любили, иные Касима султана сольстить хотели, – пишет Татищев. – И князь Абдул-Мамон с прочими князьями прислали от себя послов к Касиму просить его на ханство Казанское. Он же, не опознав лести их и уведав втайне от иных казанцев, как и сколько на то совещались, поверил им и начал просить о помощи великого князя. Князь великий не ведал о том, но веря Касиму, послал к нему князя Ивана Васильевича Оболенского-Стригу и прочих воевод с воинствами своими. И султан Касим пошел с ними со своими мецкерскими и городецкими татарами. И когда приехал к Волге, там, где решено было перевозиться через Волгу на луговую сторону, тут встретил его хан казанский Ибрагим со всеми князьями и многою силою казанскою и не дал ему перевозиться на свою сторону. Касим же стоял многие дни, а так как осень студена была и слякотна, начал корм людям и коням оскудевать, и так, не преуспев нисколько, возвратился. Тогда многие в посты мясо ели, и многие кони умерли от голода, многие из них доспехи свои побросали, но сами все здоровые восвояси пришли».

Очень важно здесь: «Он же, не опознав лести их...». Именно по этой фразе мы можем сделать вывод об отношениях Касима и его старшего брата Мамутяка (Махмуда), а также Москвы и Казани той поры. Не было никакой вражды, были устоявшиеся договоренности. Касим и не подумал бы идти на Казань, если бы не та «лесть». Его просто обманули, сообщив,

что вся Казань хочет призвать его на царство. И великий князь Иван III дал ему войско. Тем самым, стоит признать, русские первыми нарушили мирные договоренности с Казанью. Да, из-за интриг казанских царедворцев, но факт остается фактом.

После возвращения касимовского войска из того бесславного похода Касим заболел и в скором времени и скончался (1469). Первая попытка русских мирно посадить «своего» хана на казанский трон успехом не увенчалась.

Где похоронен салтан Касим? Споры по этому поводу продолжаются, большинство историков указывают на Старотатарское кладбище Касимова, сегодня, к сожалению, полностью утраченное, но нам кажется более вероятной версия, что искать его могилу следует в Казани.

В 1977 году в ходе строительных работ в Казанском кремле рабочие обнаружили на трехметровой глубине древние плиты с арабским орнаментом. Спешно вызванные археологи установили: это захоронения казанских правителей.

Примечательно, что хотя стены мавзолея были разрушены, сами погребения остались нетронутыми. Ученые выяснили, что в обнаруженных захоронениях покоятся останки первого казанского хана Махмуда и его внука хана Мухаммед-Амина. По их черепам была проведена реконструкция, и сегодня мы можем увидеть, как выглядели старший брат нашего Касима и его внучатый племянник Мухаммед-Амин.

Каков был облик мавзолея казанских ханов? Возможно, ответ стоит искать в... Касимове, где до наших дней сохранилось текие (мавзолей) хана Шах-Али. Но о нем – позже.

В 2017 году останки казанских ханов и их родственников были торжественно перезахоронены в новой гробнице, устроенной поблизости. На памятном камне, установленном рядом, начертаны имена казанских владык: Махмуда, Ибрагима, Халилия, Мухаммед-Амина, Жан-Али и Сафа-Гирея.

Спорить с вырезанным в камне трудно, но точно доказанными пока считаются имена двух упокоенных здесь ханов: Махмуда и Мухаммед-Амина. Возможно, что рядом с Махмудом покоятся останки его братьев Мустафы, Якуба и Касима? Или даже его отца Улу-Мухаммеда? Не исключено. Ученые прямого ответа пока не дают.

Вернемся в 1469 год. Великий князь Иван отпустил вдову Касима Нур-Султан в Казань к семейству, к сыну – хану Ибрагиму. Нур-Султан обязалась привести хана «к смирению перед Москвой». Видимо, уговоры матушки не помогли, и казанцы, разъяренные недавним походом Касима с великокняжеским войском, продолжили набеги на русские пределы. В том же году русская речная рать нанесла поражение казанской речной флотилии, осадила Казань и, перекрыв доступ к воде, вынудила город сдаться. Хан Ибрагим и вся Казань покорились московскому князю и дали шертную клятву: не обижать русских купцов, отпустить на волю православных невольников, не дружить с врагами Москвы.

С тех пор политика московских князей по отношению к Казани выстраивалась по одному и тому же сценарию – либо дружественный хан на престоле, либо война. И территориально, и экономически Казань была слишком важна для набирающей мощь Руси, Казань – это волжский путь, это ключ к Сибири, это ворота на Восток!

А позолоченный сандаловый трон в Ханкермане занял сын Касима, салтан Даньяр.

Сказ 3. Удача казака

Год 1465 от Р. Х. или 869 год от Хиджры.

Хан Касим?

Проснулся ворон Хасан от шума и криков внизу. Глянул вниз со своей сосны. Темно еще, а перед дворцом Касима люди с факелами собрались, много, весь двор заполнили. Что за новость? И со стороны Городца тоже крики доносятся. Но не тревожные, а радостные, если ворон что-то понимает в человеческих криках. И очень ясно слышно, как в криках этих царевича Касима ханом кличут. С чего бы?

Заметил Хасан, что татары к дворцу не просто так, а с оружием съезжаются. Очень это понравилось ворону Хасану. Собираются вольные казаки с саадаками и пиками, с саблями своими кривыми не просто так, а для похода. Неужели война? Где поход, там и воронам пожива. Заметил и своего одноглазого приятеля, что чутко к разговорам прислушивается. Видно – не терпится казаку, хочет он в поход.

Хорошо быть казаком вольным, плохо быть казаком бедным. И ведь не ленился казак Ибрагим, за любую работу брался, а все беден. Пробовал охотиться с мещеряками, зиму зимой бить. Сначала получалось, полдюжины шкурок добыл, а потом заблудился в чаще, едва волки не загрызли, спасибо Гривастой, вынесла. Сильно помороженный домой вернулся, долго лечился.

Да, Гривастая... Это уже была другая, новая лошадь, на покупку которой Ибрагиму едва хватило. Старую пришлось продать и добавить все, что он смог накопить за несколько лет. Но казак без лошади не казак. Придумал Ибрагим себе суеверие: каждую новую лошадь брать с богатой гривой и давать имя старой подруги, которая его не раз спасла.

Перебивался Ибрагим с подработки на подработку, а потом вспомнил все, что подсмотрел у мещеряка Ухура, и завел свои борты, да уговорил Ухура помочь. По осени взял первый мед. Немного добыл, но славный, сладкий. Сам не ел, только пробовал. Отдал улану Иссе долю со сбора, у мещеряков еще меда взял и стал торговать на базаре. Да какой из него торговец? Прогорел. Дал одному казанскому купцу под честное слово два бочонка меда и большой куль воска для продажи в Казани, а тот купец возьми да пропади. То ли сгинул, то ли просто обманул. А ведь Аллахом клялся по весне привезти хорошей ткани и белого железа на все, что выручит за мед и воск. Пришлось Ибрагиму мещерякам за мед своими деньгами платить, в долги влезать.

Староста Ухур только головой покачал. Разве можно купцу на слово верить, даже и мусульманину? Хорошо, что согласился с долгом подождать, а то хоть в петлю лезь.

Нет, только в походе казак может заработать по-настоящему – все беды Ибрагима решила бы добрая военная добыча.

И вот повеяло надеждой. Большой поход?

После утреннего намаза двинулись татары юрта улана Иссы к Ханкерману. На ходу все еще продолжили обсуждать случившееся. Вчера ночью прискакал гонец из Казани, сообщил о смерти хана Махмуда. Теперь старшим в Улу-Мухаммедовом роду остался Касим. Ему и сидеть ханом в Казани? Не зря князья ширинские со всех мещерских юртов к Ханкерману собираются. Ширины и в Казани, и в Ханкермане – первые карачи. Но отдадут ли добром казанцы трон касимовскому царевичу? Ведь у Махмуда есть законный сын. Не отдадут добром, так можно взять силой, а то засиделись касимовские казаки без дела.

На месте сбора у старой мечети юрт улана Иссы разделился. Сам Исса подъехал к уланской сотне, занял свое место в строю. А простых казаков его брат Махмуд повел к сотне карачи Хасана. Любовался Ибрагим уланской сотней. Любовался и завидовал. Но белой завистью, без злобы. Все уланы – люди уважаемые, родовитые, заслуженные. Сотником у них Ахмед, ширин-

ский мурза. Все в добрых доспехах, малахай и воротники лисьи, а то и соболиные. У каждого по две сменных лошади.

Занял свое место в сотне Хасана Ибрагим да смутился: ему-то похвастать нечем. Малахай старенький, дедов, саадак потертый, лошадка средненькая, разве что седло богатое. Правда, пришлось фигурки серебряные из седла повыковыривать и продать в счет долга за мед.

Долго ждали казаки смотра, наконец, появился из ворот ханского дворца сотник Ахмед. Сообщил, что уланская сотня с Касимом в Казань идет, поминать умершего хана Мамутяка. А потом его вдову сопровождают в Ханкерман. Быть ей женой Касима. Остальные свободны.

Возвращаются казаки по своим селам и юртам, видно, рано еще в поход.

1467 год. Поход на Казань

Ждали казаки чуть меньше года, осенью стало ясно – будет поход, будет! С уходом летнего тепла, как всегда, приходится ночевать Ибрагиму и простым бессемейным казакам в овине, но они теперь не печалятся, хоть и мерзнут, наоборот – радуются.

Рассказал улан Исса своим татарам:

– Ширинский карача Абдул-Мамон из Казани прислал нашему Касиму тайную грамоту. А в ней сказано, дескать, не любит Казань нового хана Халиля, Мамутякова сына. Хотят казанцы на престол хана Касима. Да, теперь Касима только ханом и называют!

Касим отвез ту грамоту князю в Москву и получил от него полную поддержку. И войско тоже. Теперь в теплом сарае ночуют урусы – пищальники и пушкари. И много их! Великую силу посылает князь Иван в помощь хану Касиму. Свою судовую рать дает.

Скачут гонцы в дальние улусы, в Кадом, в Темников, на Цну и Шачу-реку. Собирается грозное войско в Городце да по приокским селам.

Только вот беда – осень рано дождями пролилась, все дороги размыло. Похолодало опять же. Но когда холод казака останавливал? Ведь на Казань пойдут, а тому городу по богатству равного нет!

В поход вышли после пятничного намаза. Добрым знаком посчитали, что мулла молитву читал в стенах новой мечети из белого камня. Великому хану Касиму и мечеть положена каменная.

С грустью смотрит Ибрагим на струги, что идут по реке. Не нужно пешей рати месить дорожную грязь. Конным полкам пришлось намного труднее – совсем раскисли дороги, не езда, а мука. На ночевках в стане холодно и сыро. Сухих дров не найти, да и обозы отстали. Казаки кидают в походные котлы последние запасы, сегодня еще будет еда, а завтра придется натошак ехать.

Но ничего, казаки уверены: Казань заплатит за все неудобства. На стоянках только и разговоров о казанских яблоневых садах и тучных стадах. Ходят слухи, что лошадей в Казани – бери сколько хочешь.

Ибрагим твердо решил привести из похода не менее трех кобылиц. С трех кобылиц можно начать свой табун. Только бы быстрее до казанских земель добраться.

Перетерпели, добрались до казанских земель! Вот они, за Итиль-рекой начинаются. Да поди ж возьми. Не обманули слухи: великое множество лошадей в Казани. Но и воинов не меньше. Стоит казанское войско за Итиль-рекой, не дает пришлым переправиться. Сотни, тысячи шатров и юрт, везде костры, и на тех кострах жарится жирное мясо. Славно поужимают сегодня воины Халиль-хана. А где обещанные Абдул-Мамоном казанцы, желающие хана Касима? Не видно что-то.

Ибрагим словно учуял запах жирного мяса и только слюну проглотил. Почитай, второй день без еды, струги с припасом перехватила казанская речная рать, а обозы пограбили дикие черемисы. Оно и понятно, черемисы злы на урусов за то, что те обирают их села.

Неделю стоит русское войско на правом берегу Итиль-реки и непохоже, что собирается переправляться. Хан Касим из шатра уже не показывается, говорят, заболел. Остальное войско тоже чихает да кашляет. И дождь льет без конца. Что делать-то? Неужели командиры назад поведут?

1467 год. Капризная удача Ибрагима

Плохой получился поход, совсем скверный. Другого ждали лихие казаки. Холодные и голодные возвращались воины салтана Касима с волжских берегов. Ни славы, ни добычи. В том походе татары потеряли половину коней – многие пали от голода, поломали ноги в чащобах, и их просто съели. Хорошо хоть сами живые вернулись. Салтан Касим в том походе приболел, совсем с лица спал и кашлял.

Возвратилось татарское войско на Оку. Юрта улана Иссы на берегу уже не было, увели его братья Иссы в село на зимовку. Неуютно в селе и холодно, и еще очень тесно, Ибрагиму с остальными казаками пришлось на конюшне да в овине ночевать. Зато хоть отъелись.

Вечерами Ибрагим зажигал фитиль в плошке с бараньим жиром и доставал из мешка свой единственный трофей из того похода – пластинчатый доспех. Бросил его на обратном пути знатный урус, оставшись без коня. Какой уж тут доспех, унести бы ноги налегке. Он бросил, а Ибрагим подобрал, потому что такой доспех стоит больших денег, если его в порядок привести. Оставил бы себе, да, видно, крупным мужчиной был тот урус, доспех оказался Ибрагиму слишком велик.

И еще очень переживал Ибрагим: сможет ли салтан Касим по болезни свое войско в новый поход повести? Худо казаку без похода...

Тревога накатила на всех. Жизнь становилась бедней, особенно в холодную зиму, а без дела татарами овладевало уныние.

Правда, Ибрагим был неожиданно вознагражден. На реке едва не случилось непоправимое. И как не уследили няньки за юной дочкой карачи Хасана? Шустрая пятилетняя девочка соскользнула в прорубь и сразу, без крика, ушла под воду. Только няньки завизжали.

Ибрагим, набравший ведра, не раздумывая прыгнул за девочкой и вытащил ее на поверхность. Благо, течение тут было едва заметным. Дочь карачи даже понять ничего толком не успела. Охающие няньки быстро ее раздели и закутали в сухую теплую шубу.

Сам казак побежал быстрее в овин, его-то переодеть было некому. Простыл, конечно, но не сильно.

В тот же вечер карача Хасан лично поблагодарил Одноглазого и вручил ему кошель с серебряными монетами. Пусть небольшой, но это серебро!

Не всем так везло, как Ибрагиму Беркузле. Не раз он ловил на себе завистливый взгляд казака Халима. У того дела совсем не спорились, одежда обветшала, а злой местный мороз заставлял бурчать, дескать, негоже жить вольному казаку в таких условиях, надо искать счастья на юге.

В одну из тоскливых зимних ночей Ибрагим никак не мог заснуть. За стенами овина выла метель, было зябко и в голову лезли ненужные мысли. Правильно ли он поступил, когда приехал в Городец Мещерский? Двенадцать лет прошло, много повидал Ибрагим, а не прилипает к нему настоящее богатство и обходит его удача... Нет-нет, грех жаловаться, благодарен Ибрагим и караче Хасану, и улану Иссе, пусть Аллах пошлет им здоровье и долгие лета! Но летят годы-то, не становится моложе казак... Если в ближайшее время не случится успешного похода, то так бедным бобылем и доживет свою непростую жизнь одноглазый Ибрагим.

Охает, подкашливает после купания в проруби, ворочается с боку на бок казак, жалеет себя, слушает выть бури и чуть ли не сам готов ей подпеть. Потом внезапно пришло ему на ум: хватит ныть, как баба, все у тебя будет хорошо, Аллах тебя не оставит!

Успокоился Ибрагим и задремал.

Только снится ему тревожное: будто погнался он в чащу за лисой, а лиса странная, словно и не зверь, а человек... Не объяснить такого, но во сне все понятно Ибрагиму. И вот бежит он в чащу, все плотнее смыкаются ветви, царапают лицо, держат за одежду, и снег все глубже,

проваливаются ноги, падает казак, вскакивает и двигается дальше. Уж и не бег это – борьба за каждый шаг. А лиса не торопится, поджидает Ибрагима и мелким лаем то ли дразнит, то ли подгоняет.

Выбрался Ибрагим из самой чащи, попал на небольшую полянку, окруженную соснами. Посредине – избушка. А лиса уже совсем на человека стала похожа: стоит на задних лапах, а передними жест приглашающий делает, мол, заходи, гость дорогой. И морда у лисы очень знакомая, напоминает кого-то, кого не любит Ибрагим, но вспомнить, кто это, никак не удается.

«Зайду, отдохну», – думает казак, шагая к избушке.

Но вдруг сверху: «Кар-р-р!» – друг-ворон кричит.

«Вот раскаркался, – говорит себе Ибрагим. – То неделями его не слышно, не видно, то прилетает, куда не звали...»

А ворон кричит громче и настойчивей:

– Кар-р-р! Брось, Ибрагим, стой!

Удивляется казак, он-то почти вошел в двери избушки. Смотрит в небо, где кружит ворон, а тот не понимает:

–Пр-р-роснись!!!

Обернулся Ибрагим на лису, а та ножом замахнулась и на морде оскал ненависти.

Выбросил руки навстречу ножу казак, распахнул единственный глаз и в полутьме овина увидел, как на него кто-то настоящий, не из сна, падает с чем-то блестящим в кулаке.

Ужалило левую руку Ибрагима. Так и есть – нож!

Стиснул зубы казак, борясь с неведомым врагом. Оба сипло дышат, оба молчат, давит супостат сверху вниз...

Удалось спихнуть его в сторону, тут Ибрагим и узнал, кто его убивать пришел:

– Халим?!

– Сдохни, одноглазый! – прошипел узанный и взмахнул ножом.

Ибрагим только и успел, что руку выставить.

Снова обожгло ее болью, но стерпел Беркузле, схватил Халима за рукав, не давая размахнуться для следующего удара.

Пальцами левой вцепился в лицо врага и понял, кого ему лиса из сна напоминала. Бывает же!

Гнев подкрепил силы Ибрагима, и он нещадно сжал пальцы, норовя причинить Халиму лютейшую боль.

С тихим жутким звуком лопнул один из глаз Халима, и он сдавленно взвыл, отстраняясь.

Заворочались на своих лежанках разбуженные казаки. Халим быстро подобрался, держась за лицо, и выбежал из овина.

– Измена! Ловите его! – хрипло крикнул залитый собственной кровью Ибрагим.

Сонные казаки повскакивали с мест, кто-то, схватив саблю, побежал наружу. Кто-то успел накинуть зипун.

– Кто это был?

– Халим, – ответил Ибрагим.

Пара казаков взялась перевязать рану.

– Смотрите-ка, вещички собрал! – Еще один казак стоял возле лежанки Халима и показывал туго набитый мешок и пластинчатый доспех – добычу Ибрагима.

Из-под доспеха выпали на пол кошель с серебром и заветная Ибрагимова монета с деспотом. Да, Халим, вот ты, значит, каков...

– А ведь он в последнее время все про Крым говорил, – припомнил другой. – Там у него какой-то родич, вроде бы. Похоже, туда собирался...

Вскоре вернулись те, кто бросился в погоню. Ушел Халим. Скрылся пешим в лесу. Полураздетые казаки решили, пусть замерзает, с учетом ранения он уже нежилец.

Съездили за Иссой. Началось дознание.

Ибрагим отвечал как в тумане – очень болела порезанная в двух местах рука.

Припомнил, что Халим невзлюбил его с самого начала, пришлось его даже проучить.

Казачи подтвердили:

– Халим вечно бурчал, дескать, Одноглазому больше платят, вот и спасенный купец его одарил не в пример богаче! А недавний случай с дочкой карачи?..

В своей правоте Одноглазый, разумеется, не сомневался.

А еще мысленно благодарил ворона Хасана, который предупредил его неведомым способом.

Но чего в подлунном мире не бывает?

Глава 4. И стал град Касимов

Назвать город в честь отца – великая честь для сына. Впервые название Касимград или Касимов в русских документах появляется в 1471 году, при салтане Даньяре. Прежние названия Царевичев городок, Ханкерман и Городец тоже продолжали употребляться, продолжали существовать старая крепость со Старым посадом. Возможно, что Касимов при Даньяре – общее название двух близлежащих городов.

Жизнь при Даньяре

Сын Касима салтан Даньяр (Даниар), продолжил политику отца, направленную на тесный союз с Москвой, и при восшествии на престол принес шерть (присягу) Ивану III. Ее текст не сохранился, но, скорее всего, она была подобна другим, что приносили высокородные татары, переходившие на службу великим князьям московским того времени.

Здесь сразу надо точно определиться, шерть – это не совсем та присяга, что давал вассал сюзерену. Известны шертные грамоты, которые присылали крымские ханы московским князьям. И московские князья также подписывали шертные обязательства перед крымским ханом. Так что это, скорее, взятие на себя союзнических обязательств с письменными гарантиями.

В шертной грамоте, составленной в уважительных тонах к обеим сторонам договора, салтан Даньяр обещал не поддерживать отношения с недругами великого князя и участвовать в его походах. А также не принимать на службу татар, которые уже стоят на княжеской службе. Князь, в свою очередь, обещал то же самое, исключения составляли четыре рода: Ширин, Мангыт, Аргын, Кыпчак. То есть московским князем еще раз подтверждался царский статус наследника Касима и его право на каучин.

Укреплялось и экономическое положение ханства. Царевич Даньяр помимо «выхода» из Москвы получал торговые пошлины с окской торговли и ясак – натуральную подать с мусульман и мордвы, жившей в Касимовском ханстве, а также судебные пошлины. Стабильный доход приносили налаженная паромная переправа, мельницы и... кабаки. Да, хоть вино правоверным строго запрещалось, питейные заведения исправно приносили доход, и шел он в салтанову казну. Кстати, само слово «кабак» пришло в русский язык, как и многие другие, из татарского, – от овоща кабачка, привезенного на Русь из Средней Азии. В наших местах кабачок хорошо прижился, давал высокий урожай. Вот в питейных заведениях, где на всех посуды не напасешься, и придумали разливать хлебное вино из мерных чарок в кабачки с вырезанной серединкой. Выпил – закуси.

Менялось обличье нового города: укреплялись стены и башни, со временем татары вместо юрт стали строить традиционные для них жилища из обожженного кирпича с глухими внешними стенами и просторным внутренним двором. При необходимости каждый такой дом превращался в маленькую крепость. Много места в домохозяйствах занимали конюшни и овины, оседлые татары активно переходили к стойловому скотоводству. На городской площади перед мечетью по четвергам и субботам проходил традиционный восточный базар, тут же был невольничий рынок.

Видимо, именно во времена Даньяра к Касимову начался активный приток татар-мишарей. Состав этого сообщества был довольно пестрым, здесь рядом с татарами мешчерских княжеств селилось коренное население, перенявшее жизненные устои и татарские традиции, мордва, перешедшая в ислам.

В Касимове быстро развивались привычные для этих мест промыслы – бортничество и гончарное производство. Под защитой крепостных стен селились гончары, кузнецы и оружейники, торговцы. Особым промыслом стала обработка кож, и татары, надо отдать им должное, добились в этом значительных успехов. Они владели секретом «кислой выделки» мехов и шкур животных – их кожи получались более мягкими и долговечными, татарские седла ценились по всей Руси.

Некоторое время зерно в Касимове было привозным. Возможно, часть «выхода» в царство московские и рязанские князья платили зерном – рожью и просом. Но постепенно в сельских поселениях возрождалось земледелие.

Надо отметить, что деревни, расположенные в пределах царства, имели преимущество перед соседними русскими окраинами. Здесь существовала гарантия от «чужих» татарских набегов, а заливные луга обеспечивали обильные урожаи. Больше земли – больше дохода.

Крупнейшими землевладельцами были сам салтан, его карачи, мурзы и беки. Простым же казакам приходилось хуже. Исламские традиции частично сглаживали сильное социальное неравенство, свойственное средневековому обществу: нуждающийся мусульманин мог рассчитывать на помощь общины, муллы, щедрых карачей или самого салтана. В обществе практически не было вдов и сирот, жена умершего или погибшего в бою казака выходила замуж за его брата или иного родственника, его дети воспитывались в новой семье, как родные.

В царстве строго поддерживался порядок, татары при всем своем горячем темпераменте редко хватались за оружие в спорах и конфликтах. Сдерживал закон кровной мести, когда за одного убитого мстил весь род. Любой разбой и воровство карались незамедлительно по законам шариата. Грабить в походе считалось доблестью, украсть у соседа мусульманина – страшным грехом. За воровство рубили руку. А вот торговля, пусть даже сомнительным товаром, всячески приветствовалась.

Касимов времен Даньяра становился крупным торговым центром на Оке во многом благодаря удачному расположению и платежеспособности постоянно прибывающего населения.

С ростом населения повышалась боеспособность войска, касимовские татары продолжали участвовать в совместных с русскими походах. В 1471 году царевич Даньяр «со своими царевичами, князьями и мещерскими казаками» отправился в новгородский поход с Иваном III. Здесь казаки Даньяра упоминаются как отдельный род войск – уланы или легкая кавалерия.

Первый новгородский 1471 года

Этот поход был более чем рискованным. Расклад сил был явно не на стороне великого князя, но времени на подготовку и сбор всех полков у Ивана III попросту не было – новгородская земля уходила от Руси.

Политическая ситуация складывалась действительно опасно. Литва прямо толкала Великий Новгород к полному разрыву с Москвой, не гнушаясь прямого подкупа и мощной пропаганды. На словах обещая сохранение православной веры, литовцы серьезно готовились к полному окатоличиванию северной Руси. Практически вся боярская верхушка Новгорода находилась на содержании у литовцев. Существовала и угроза прямой литовской интервенции, бояре заключили вассальный договор с великим князем литовским и королем польским Казимиром IV, который, не мешкая, прислал в Новгород своего наместника. А это уже прямой вызов и измена! Потомок великого Рюрика Иван III срочно объявляет поход.

Согласно хроникам московский воевода Данила Холмский привел к Старой Руссе, где встретился с первым новгородским заслоном, не более 10 тысяч воинов. Новгородское же войско насчитывало до 40 тысяч человек – с ударной боярской конницей и речной ратью. Преимущество в численности явно не на стороне великого князя, но что по качеству?

Великокняжеская конница – уже не та «сборная солянка» что была при Василии II, когда каждый удельный князь приводил свое войско (а мог и не привести), и фактически сам командовал им в битве, решая, стоять насмерть или бежать. Войско Ивана III новгородского похода по сути уже регулярная армия. Теперь все бояре и князья – арендаторы княжеских земель, и владеют своими землями не только по праву наследства, но и получают за верную службу.

Воин московского войска отлично обучен и экипирован надежным пластинчатым доспехом (панцирные наборные брони) или кольчугой, усиленной нагрудными пластинами. На вооружении у него помимо копья татарская сабля и лук. Седла тоже татарские с укороченными стременами, щит круглый – облегченный, позволяющий крепить его за спиной. Явно видно влияние ордынского воинского искусства, не зря же Иван III в походы непременно брал союзных татар. У них и научился. Так что московское войско новгородского похода смело можно назвать великокняжеской гвардией.

Исключение составляли тверские полки, присоединившиеся к москвичам. Тверское княжество пока еще сохраняло независимость и воевало по-старому, полагаясь на тяжелую княжескую конницу. Но заметим, что к этому времени именно у тверичей в войске было более всех пищалей и пушек, часть конницы имела малые ручницы – до полкилограмма весом с коническим стволом, а также ручную артиллерию посерьезнее, четырехкилограммовые ручницы – тюфяки.

А что у новгородцев? Боярская конница, где каждый сам себе князь. Тяжелый доспех, чаще всего – немецкий, вооружение – копье и меч. Высшую воинскую доблесть бояре видели в лихом конном бою. Стрельбой из лука новгородские бояре брезговали, считая это уделом простолюдинов – пехоты. Большую часть новгородского войска составляло ополчение. Плохо обученные и экипированные новобранцы, вооружение – тяжелые деревянные щиты да пики и топоры для ближнего боя. Что с мотивацией? Тоже проблемы: большинство «земства» и посадские люди давно устали от боярских распрей, но и твердой власти Москвы тоже побаивались.

Именно с ополчением и «судовой ратью» новгородцев на Ильмень-озере пришлось столкнуться московскому войску накануне решающей битвы. Разбив плохо обученные полки судовой рати, 13 июля 1471 года москвичи подошли к реке Шелони. На другом берегу блестела доспехами боярская конница новгородцев. Ее численность могла составлять, по разным источникам, от 5 до 12 тысяч воинов. Численность ополчения тоже оценивается по-разному. Например, в Московском летописном своде общее число воинов, выступивших на стороне Новго-

рода, включая и конницу, и ополченцев, – 40 тысяч человек, однако эти данные представляются завышенными, в то время, когда московское войско в летописном своде наоборот оценено скромнее, чем было в реальности.

Вечерело, перестрелка через реку быстро затихла, переходить Шелонь ни одна из сторон не решалась.

Новгородцев такое положение дел устраивало, их главной целью было не дать москвичам соединиться с псковской ратью, разбить противника по частям. У москвичей были другие планы, бить не числом, но умением. Воевода Данила Холмский перед битвой подсчитал силы, московское войско потеряло в предыдущих сражениях (взятие Русы, победные бои под Коростынью и на реке Поле) до половины численного состава, особенно пострадали тверские полки, но у него был «козырь в рукаве» – союзные татары.

Битва на Шелони

Настало утро 14 июля 1471 года. Пятитысячное московское войско затемно поднялось выше по течению и скрытно переправилось через Шелонь, стремясь достичь псковской дороги, по которой ожидалось подкрепление из союзного Пскова. Новгородцы, желая этому помешать, перекрыли путь и построились к бою. Войско – возможно, двадцать-тридцать тысяч человек с боярской конницей в большом и передовом полках. Она и ударила первой. Но новгородцы совершенно не ожидали дождя из стрел, пролившегося на их головы во время атаки, а также залпа из пищалей почти в упор, и дрогнули.

Как следует из новгородских источников, им удалось перестроиться и в повторной атаке использовать численный перевес, существенно потеснив москвичей передовым и большим полком. Развивая успех, основные силы новгородцев стали окружать московское войско, заходя ему во фланги, вот тут на них и обрушилась татарская конница. Оказалось, что татары Даныяра быстрым маневром переправились через Шелонь еще выше по течению, форсировали речку Дрянью, сосредоточились на прибрежных холмах позади новгородского войска и ударили в тыл полка правой руки и большого полка в тот самый момент, когда новгородцы почти праздновали победу.

Правый фланг новгородцев не выдержал натиска и побежал, смяв большой полк, который тоже обратился в бегство, увлекая за собой остальное войско. И спасаясь, боярская конница топтала свое же ополчение. Разгром был полным!

Итог этой битвы для Руси трудно переоценить: правящая верхушка Великого Новгорода в ту пору почти полностью склонилась к подчинению Литве. И если на словах Литва обещала новгородцам сохранить республиканское правление и православную веру, то на деле подчинение севера Руси католической вере становилось лишь вопросом времени.

Успех Шелонской битвы снял литовскую угрозу. Московское войско показало свою силу, свое умение воевать по-новому, по «ордынской тактике».

Богатая добыча досталась в тот день великокняжескому войску. Летопись сообщает, что всего «обретеса нятцов (пленников) 1000 и 700 человек». Что касается потерь, то в описании сражения 14 июля на реке Шелони указано, что татары потеряли всего сорок воинов. Даже историк Карамзин, не жаловавший татар в своей «Истории», отметил, что исход битвы решил их внезапный удар в тыл новгородцев. За храбрость в той битве касимовцы были щедро пожалованы Иваном III, однако им было строго запрещено брать пленных. Факт примечательный, при всей вражде к мятежным новгородцам, для русских они продолжали оставаться единоверцами, православными. А татары – чужаками, хоть и союзниками. И вид христиан, связанных для продажи, в татарском обозе вряд ли понравился бы православному воинству.

Коломенский рубеж

Следующий поход касимовского войска в летописях отражен более скупо, хотя по важности он вряд ли уступал Шелонской битве. В 1472 году салтан Данъяр с касимовским войском принял участие в отражении набега ордынского хана Ахмата, причем московский князь направил его на самый опасный участок – в Коломну. И здесь татары Данъяра стали не только гвардией великого князя, а скорее – его спецназом с особо важным заданием. Летописи прямо указывают, что хан Ахмат весьма опасался, чтобы Данъяр или Муртоза – царевич из Елатьмы – «не взяли орды и жен его, которых он оставил на самой границе». Как тут воевать, когда злейший враг собирается твоих жен с детьми забрать в полон? И ведь никакая охрана не помогала, касимовцы перешли на степной берег Оки и стали появляться в самых неожиданных местах, наводя ужас на все ахматово войско, ибо в бою были беспощадны.

Тем временем объединенная русская рать быстро перекрыла все броды, переправиться через Оку Ахмат так и не смог, после ряда столкновений спешно отступил, бросив полон. В итоге «коломенская операция» закончилась для Руси более чем удачно. *«А сам князь великий возвратился к Коломне, а с ним царевич Данъяр; оттуда и того, почтив, отпустил в свой ему городок Касим, а сам пошел к Москве»*. Именно с 1472 года московский князь перестает платить дань в Орду. И «татарский двор» – ставка ордынских баскаков в Москве – был разрушен.

А татары Данъяра вернулись в Касимов и Городец с большой наградой.

Упоминаются касимовские татары и в новгородском походе 1477-78 гг., в результате которого Новгород был окончательно присоединен к Московскому государству. *«А сам князь великий шел на Волок, а Данъяру царевичу, Касимову сыну, велел идти на Клин наперед себя за четыре дня, к Твери да к Торжку»*.

Поход был удачен, вечевой колокол – символ республиканского устройства – был перевезен из Новгорода в Москву и повешен на колокольне Успенского храма. Главный идеолог боярской смуты Марфа-посадница тоже была отправлена в Москву, где содержалась в особой великокняжеской тюрьме. После этого многие московские бояре получили земли под Новгородом, а новгородские «господа» переселены в мещерские пределы «с селами и деревнями». Касимовские татары без смущения навещали вотчины новых соседей.

Врачебная ошибка?

В 1838 году на полках книжных лавок России появился роман под названием «Басурман». Автор – И. И. Лажечников, уже ставший известным благодаря своему роману «Ледяной дом» о временах правления Анны Иоанновны. Заметьте, в свет еще не вышли «Граф Монте-Кристо» и «Три мушкетера» Дюма, а в России уже процветал жанр исторического авантюрного романа. Но в нашем повествовании важно, что Лажечников подробно описал московские события 1485 года, и одним из героев тех событий стал касимовский царевич Даньяр, участвовавший в московском походе на Тверь, закончившемся присоединением Тверского княжества к Москве.

За основу романа автор взял короткую запись из хроник: *«Врач немчин Антон приехал (в 1485) к великому князю; его же в велице чести держал великий князь; врача же Каракачу, царевича Даньярова, да умори его смертным зельем за посмех. Князь же великий выдал его «татарам»... они же свели его на Москву-реку под мост зимою и зарезали ножом, как овцу».*

У Карамзина факт этот приведен в несколько иной трактовке: *«...в 1485 году другой врач, Немец Антон, лекарствами уморил Князя Татарского, сына Даниярова: он был выдан родным головою и зарезан ножом под Москворецким мостом, к ужасу всех иноземцев».*

Лажечников, творя в духе исторического романтизма, наделил «немецкого лекаря Антона» благородным происхождением и привлекательной внешностью, влюбил его в дочь русского боярина Хабарова Симского – невесту касимовского царевича Каракачи. По сюжетной линии неумный и дерзкий царевич Каракача в юношеском задоре свалился с лошади, сильно расшибся. Верный врачебному долгу Антон берется лечить соперника. И очень успешно, больной быстро поправляется. Но недруги Антона из властительных мерзавцев затевают подлую интригу, вместо лекарства царевичу подсунули яд. Каракача яд принял и помер, безутешный Даньяр рыдает над бездыханным телом. Врача-вредителя отдают татарам, те волокут его под мост Москвы-реки и отрезают благородную

по закону кровной мести. А безутешная невеста накладывает на себя руки.

Возможно, все так и было, но точных данных, что Каракача был сыном Даныяра, нет. В хрониках он назван именно князем, или карачой, то есть – визирем, ближайшим сановником салтана Даныяра. И залечил его иноземный лекарь до смерти «зельем» намеренно, за насмешки над собой.

Касимовские татары в романе «Басурман» показаны, как народ буйный, шумный и своевольный, однако отмечено, что Иван III выделял царевича Даныяра и всячески был к нему расположен. Легшая в основу романа хроникальная запись о лекаре стала последним упоминанием имени царевича Даныяра. Неизвестно, насколько он пережил своего Каракачу. Современ-

менные энциклопедии определяют дату его смерти 1486 годом и связывают со вторым казанским походом.

И хотя ближайшие родственники Касима оставались в Казани, после смерти Даньяра на касимовский престол был призван наследник... из Крыма.

Сказ 4. Трофей Одноглазого

Год 1471 от Р. Х. или 876 год от Хиджры.

Новгородский поход

Летом пошел слух по касимовским юртам: поход! Поход!!!

Хакан урусов Иван на войну собирается, идет на мятежный Новоград, салтана Даньяра с собой в поход зовет. Все разговоры теперь только о походе, прежде сонные юрты теперь больше похожи на растревоженные муравейники, все суетятся, обсуждают что-то, к походу готовятся.

Плохо спал той ночью Ибрагим, переживал, боялся, возьмет ли его в поход улан Исса, а вдруг оставит в юрте? Кого-то оставить непременно нужно, семьи и стада так просто не брошишь. Бакшиш бы ему дать, чтобы взял в поход обязательно, да нету ничего ценного у бедного Ибрагима кроме седла, купленного на базаре, да монеты отца. Серебро он за три года проел, а нового почти не заработал. Остается Гривастая. Но Гривастую он не отдаст никому, ни за что!

С самого утра потянулись к окским бродам под Касим-градом разные казаки из юртов с правого, степного берега. Все больше кыпчаки, но и ногайцы мангытовы встречаются, и прочие из Темникова, из Кадома, из Елатьмы... С завистью смотрит на них Ибрагим, их-то уже точно позвали в поход, а его?

Но вот улан Исса после краткого совета с братьями велел своему юрту собраться. Вышел к очагу и объявил, что братья на юрте и останутся, потому как семейные, а с ними еще один казак, что приболел. В помощь им придется пару мишарей с посада нанять – скот пасти. Остальные все в поход пойдут, а кто не готов, тот может остаться.

Остаться никто не пожелал, все казаки готовы в поход хоть сейчас. Улыбки на лицах, будто ураза-байрам! После обеденного намаза Исса попрощался с женами, обнялся с братьями, погладил по головам детишек и, сев на кобылу, повел свой юрт к переправе. Сегодня Ибрагим попал на другой берег, не замочив ног, – на канатном пароме. По приказу салтана всех перевозили бесплатно.

Перед общим смотром под стенами Касим-града свои отряды смотрели Даньяровы карачи. Карача Хасан проехал вдоль строя, придирчиво разглядывая своих воинов, около Ибрагима чуть задержался. Как всегда, узнал – у кого еще повязка на глазу? По странной традиции, которую понимали только он и Ибрагим, посмотрел ему на ноги. Вполне справные сапоги, только уж больно длинноносы. Зато не босой! Коротким кивком оценил седло, подмигнул и поехал дальше.

Наутро войско, готовое к походу, выстроилось и замерло в ожидании, когда салтан Даньяр отдаст приказ отправляться в путь.

Салтан, статный воин, не торопился. Он спешился, глядя в небо. Там парил всем знакомый ворон Хасан. Протянув вверх мясо в руке, Даньяр свистом позвал ворона.

Хасану двух приглашений не надо – он стремительно снизился и очутился на утоптанной лошаадьми земле прямо перед касимовским салтаном.

– А ну-ка, скажи, чего жду! – Салтан Даньяр подразнил ворона куском свежего мяса.

– Кар! – проорал ворон.

– Нет, Хасан, ты скажи, как учили, – смеясь, потребовал салтан.

Ворон подумал, вдруг расставил крылья, выпучил глаза и прохрипел, «как учили»:

– Кар-р-рар!!!

Татарское войско разразилась хохотом, и громче всех, до слез смеялись тетка ворона карача Хасан и сам салтан Даньяр.

– Ай, молодец, Хасан! Держи, заслужил, – сказал салтан и бросил мясо птице.

Ворон подхватил брошенное ему лакомство и быстро взлетел на верхушку сосны.

Даньяр повернулся к воинам и поднял руку.

Гомон и смешки мгновенно стихли, уступив место неестественной тишине, прерываемой иногда всхрапами лошадей и глухим перестуком их копыт.

Недолго послушав тишину, молодой салтан обратился к войску неожиданно сильным низким голосом с хрипотцой, и каждый касимовец потом утверждал, что слышал с первого до последнего слова:

– Воины мои! Я призываю вас почтить память моего отца и вашего хана Касима большим походом. Мой отец начал наше ханство для того, чтобы росла слава Аллаха в северных землях, для того, чтобы у каждого из нас был теплый очаг и достойная пища, для того чтобы наши дети росли здесь сильными и счастливыми! Татарин без войны – словно земля без солнца. Мы отправляемся стяжать славу у Новограда, и мы добудем победу! И эта победа будет посвящена родоначальнику нашего государства – хану Касиму!

Даньяр обвел горящим взглядом свое войско и простер руку к Ханкерману.

– Знайте, воины, что я принял решение дать Ханкерману новое имя – имя хана Касима! Пусть наши дети и дети наших детей и их дети помнят, кто основал наш прекрасный дом! Пусть они любят и защищают его, пусть приносят ему победы и достаток! А мы, наследники Касима, начнем писать славную летопись великого ханства прямо сегодня, отправляясь в новый поход. За ханство! За Касимов-град!

– За Касимов-град! – откликнулись воины, и клич их, казалось, достиг самого неба...

Даньяр повернулся к воинам и махнул рукой. Загремел походный барабан, и войско касимовское и городецкое двинулось за своим салтаном через распахнутые ворота по Муромской дороге в сторону Владимира.

Ворон, все это время слушавший речь салтана Даньяра, вернулся к лакомству, которое прижимал лапой к ветке. Ел не спеша, смаковал, наблюдая, как последние всадники покидают город.

Хасан был очень умным вороном и быстро учился. Он давно понял, что с людьми можно дружить, а если еще и повторять их смешные слова, то можно получить и что-то вкусное. Хасан снова прижал мясо лапой к ветке и еще раз крикнул: «Кар-р-рар!!!» Замыкавшие колонну казаки разом повернулись в седлах, заулыбались и помахали ворону.

За двадцать прошедших лет Хасан вырос и похорошел. Черное оперение еще не приобрело синего отлива, зато клюв вырос до устрашающих размеров. Хасан хорошо питался: внизу, в построенном на его глазах городке, всегда было чем поживиться.

Ворон Хасан, конечно, не знал, что татары, наряженные в еще дедовские кольчуги, неслись в атаку с боевым кличем монголов «хар-рар, хура-рар», сохранившимся со времен Чингисхана. Потому и смеялись воины салтана Даньяра вороньему крику, похожему на боевой клич. Русские этот клич переняли, так появилось раскатистое «Ура!» А в домонгольское время русские дружины, наступая на врага, чаще всего применяли новгородский боевой клич: «Не жалеть!»

Хасан проглотил последний кусок и посмотрел вниз, где на мысу высились стены Ханкермана. Правда, двуногие теперь называли его Касым-градом. Потом глянул вслед войску, на длинную змею, оцетинившуюся остриями пик.

Что-то шевельнулось в вороньей голове. Загорелось едва заметно, но стремительно разрослось желание увидеть, куда отправились татары и его друг Ибрагим. Хасан взлетел, сделал круг над городом и отправился за войском.

1471 год. Шелонь

Дорога заняла неделю. Люди отдохнули и – началось.

Татарское войско выдвинулось затемно. Каждый казак знал, что делать, в тишине покинули лагерь и направились к реке.

Ворон Хасан выбрал сосну повыше, устроился на ветке и принялся наблюдать.

Рассвело. Новгородцы еще в сумерках начали бой с москвичами, переправившимися ночью через Шелонь. Как бы скрытно не действовало московское войско, но его намерения были замечены вражескими разъездами. Впрочем, это не волновало Даныяра.

Еще не обсохшие после переправы касимовские татары изготовились к битве – все смотрят на холм, где стоит царевичев двор, на своего салтана в блестящих латах, ждут его приказа. Поправляет на груди свой старенький тягилай казак Ибрагим, облизывает сухие губы, поглядывает на врага. Беспечны новгородцы, теснит их полк москвичей, все бояре-командиры в гуще битвы мечами машут, славы себе ищут, о тылах никто и не думает.

Ждет татарское войско приказа своего салтана, а Даныяр тянет, не начинает. То ли не хочет идти в бой, пока не подтянется с переправы последняя сотня, то ли выбирает самый удобный момент.

Более казаков такому промедлению огорчается ворон Хасан, беспокойно топчется на ветке, смотрит то на врага, то на Даныяра. Славная битва будет сегодня... Но что же салтан тянет? Вот руку поднял, чего же не дает команды?

– Кар-р-рар! – закричал ворон не в силах более терпеть.

– Хар-р-р-р-рар! – подхватили татары, разом посылая лошадей в галоп.

Широкой лавой понеслась татарская орда на новгородцев.

Салтан Даныяр удивленно осмотрелся по сторонам: кто осмелился вперед него отдать приказ? Глянул вверх, заметил знакомого ворона на дереве. Погрозил ему плетью и тут же сам прищпорил коня. Не принято салтанам-чингизидам в рубке участвовать, но разве такого остановишь? Верные нукеры прикрывают салтана со всех сторон, каждый из них готов умереть за Даныяра.

Подгоняет Гривастую казак Ибрагим, хлещет плетью по влажным бокам, боится отстать от своего десятка, косит единственным глазом на улана Исса. Не похож сейчас Исса на себя, обычно улыбочное лицо его превратилось в жуткую маску со звериным оскалом.

Вот и новгородское войско. Не ждет оно опасности с тыла, увязло в бою с москвичами. Каждый рвется вперед, в битву, за своей славой, задние на передних напирают. Только в самый последний момент услышали новгородские воины топот конницы за своей спиной, и кто-то даже успел крикнуть: «Татары!!!»

Неотразимая касимовская лава захлестнула новгородцев, сминая их боевые порядки. Прозевали новгородцы, оказались не готовы к встрече с татарским войском. Любят и умеют воевать касимовцы.

Легко и глубоко, как нож в масло, вошла пика Ибрагима в грудь успевшего повернуться новгородца в блестящем шишаке, не спасла кольчуга, плетенная из железных колец. Казак успел удивиться, как румяное лицо новгородца в одно мгновение побледнело до синевы.

Нет времени выдергивать пику из груди поверженного врага, выхватывает Ибрагим саблю из ножен, ставит Гривастую на дыбы. Подкованное копыто бьет врага в грудь, еще один новгородец повержен.

– Хар-р-рар! – визжит Ибрагим, взмахивая саблей.

– Хар-р-рар! – кричит рядом улан Исса, орудуя пикой.

– Татары, татары!!!.. – пронеслось по новгородскому войску, и дрогнуло войско...

Не привыкли новгородцы к такому напору. Немецких рыцарей и шведов бить научились, а против татар не устояли. Не выдержал удара татарской орды большой новгородский полк, побежал, увлекая в бегство остальные новгородские полки.

С жутким воем и улюлюканьем преследует их орда царевича Даньяра.

По рошицам и перелескам пытаются спастись новгородцы, бросают тяжелые щиты и копья, боевые топоры, что мешают бежать. Но татарам нет дела до простых ополченцев, что с них взять? Теперь идет охота на бояр. И вот уже засвистели арканы, и валится наземь цвет новгородской вольницы. Спешиваются татарские уланы, крепко вяжут бояр, рвут с них золоченые пояса, забирают тугие кошель, набитые серебром и золотом. Вот она, первая ратная добыча.

Один глаз у Ибрагима, да зорек! Кто-то двумя глазами столько не увидит, сколько Ибрагим одним. Сразу заметил Ибрагим боярина в бегущей новгородской рати и больше не терял из вида его золоченый доспех.

Свистит улан Исса, пикой указывает своему малому юрту на горстку новгородцев, что к рошице бегут. И вдруг подскакал казак Ибрагим, хрипит, пальцем вдаль показывает. Нахмурился было Исса: где это видано, чтобы в бою командиру перечить, но пригляделся, заметил трех беглецов в блестящих латах и алых плащах, ощерился, кивнул. «Хар-р-рар!» – и лошадь в ту сторону пришпорил. «Хар-р-рар!» – откликнулся десяток и за Иссой в галоп.

Быстро нагоняют татары беглецов, те погоню заметили, на ходу словами перебросились и вдруг разделились. Двое развернули коней и с обнаженными мечами – навстречу преследователям, один, в золоченом доспехе, дальше поскакал. Хитро придумано, да степняка не проведешь... Исса указал Ибрагиму на одинокого беглеца, понял его казак без слов, чуть отстал и взял правее.

Остальные сшиблись во встречном бою, один из новгородцев сразу от точного сабельного удара уткнулся головой в гриву своего коня, но и первый казак наземь свалился, так и потащила его кобыла за ногу, застрявшую в стремях. За ним еще один татарин умылся кровью – попал под новгородский меч. Силен новгородец, крепка рука. Но силы не равны, окружили его татары, и вот уже летит аркан на шею храброго воина, и сдергивают его на землю. А пеший конному – не противник...

Но не видит всего этого Ибрагим, он преследует знатного всадника. А тот к Ильмень-озеру торопится. Горячий конь под ним, длинноногий, уходит от погони, трудно поспеть за ним Гривастой. Уже показался берег озера, а беглец все дальше, не нагнать его Ибрагиму. Завизжал степняк от обиды, бросил поводья, схватился за лук. Умна Гривастая, знает свое дело, без поводьев даже ходу прибавила. А Ибрагим поднялся на коротких стремях да послал стрелу. Не попал. Беглец оглянулся, показал зубы: то ли ощерился в злобе, то ли улыбнулся.

Ибрагим тут же снова лук натянул, выстрелил. И опять мимо. Тем временем Гривастая вынесла его на поляну. Так вот куда беглец спешил! У берега малый челн, а у челна виднеются люди. И шатер на берегу.

Третью стрелу послал Ибрагим в спину, укрытую красным плащом. Угодила стрела в круп быстрого коня, заржал конь от боли, рванул в сторону, и покатился беглец по земле, звеня богатым доспехом.

Но не на него смотрит Ибрагим, а в сторону шатра на берегу. Что там за люди? Если чужие бойцы, то плохо его дело, один в поле не воин. А упавший всадник меж тем на ноги поднялся, держась за плечо. Морщится от боли, но саблю из ножен тянет.левой рукой отбиваться собирается? Что ж, скачешь ты резво, поглядим, каков в пешем бою. Отправил Ибрагим лук за спину, обнажил саблю, послал Гривастую с места в галоп. Звякнуло железо о железо, скатился наземь золоченый шлем, но устоял на ногах новгородский боярин, только русые волосы ветер растрепал.

Усмехнулся было Ибрагим, разворачивая коня, да тут же посуровел, завидев, что бегут от берега в его сторону какие-то люди с копьями. И тут же снова широко улыбнулся – подоспел

к нему улан Исса с парой казаков. Те, что с берега бежали, развернулись и обратно к челну! Э, да это у них не копыя, а весла. Они что, веслами бить его хотели?!

Окружили татары пешего боярина, улыбается улан Исса, рад богатой добыче. И кивает Ибрагим, мол, ну давай, заканчивай начатое. Потянулся казак за арканом, а боярин саблю сжимает, сверкает глазами, зубами скрежещет. В сторону шатра глянул и вдруг ринулся прямо на Исса. Скорее от неожиданности ткнул его улан копьём в незащищенное горло, и захрипел боярин, выронил саблю и повалился наземь.

Крякнул Исса с досады: живой боярин куда дороже стоит, нежели мертвый. Виногато глянул на Ибрагима, указал на боярские ноги в сафьянных сапогах, шитых серебром.

– Забирай, твой размер.

Остальным на челн указал.

Не успели татары, отчалил челн от берега. Двое рыбаков гребут что есть сил.пустили касимовцы по паре стрел вдогонку, да ветер сильный – не попали. Только шатер на берегу и остался.

Обступили казаки с обнаженными саблями шатер, облизывают сухие губы в предвкушении богатой добычи.

– Кто в шатре, выходи!..

Колыхнулась пола шатра, вышла наружу юная дева, с волосами цвета спелой пшеницы, в простеньком платье. Испуганно на татар глянула и вдруг увидела окровавленного боярина. Лежит в жухлой траве, смотрит в безоблачное небо, не мигая, а меж пальцев босых ног застряли ромашки. Хотела дева закричать, да себе же рот ладонью и зажала. Слезы утерла и заговорила торопливо непонятное что-то. Нет, урусы так не говорят, урусы акают да окают, а эта все пшекает, словно шипит.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.